

А.В. Алексеев, С.В. Кузьменко

Московские средневековые каменные кресты с геометрическим декором



Российская академия наук
Институт археологии

Министерство культуры Московской области
Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей

А.В. Алексеев, С.В. Кузьменко

Московские средневековые каменные кресты с геометрическим декором

Ответственный редактор член-корреспондент РАН Л.А. Беляев



Москва-Звенигород
2020

ББК 63.4(2)

УДК 902.01

А47

Печатается по решению Ученого совета ИА РАН
и Научно-методического совета
Звенигородского историко-архитектурного и художественного музея

Рецензенты:

*кандидат исторических наук А.В. Энговатова,
кандидат исторических наук В.Ю. Коваль*

Алексеев, А.В., Кузьменко, С.В.

- А47 Московские средневековые каменные кресты с геометрическим декором / А.В. Алексеев, С.В. Кузьменко / отв. ред. Л.А. Беляев. — М.: М.-Звенигород.: Российская академия наук, Институт археологии; Министерство культуры Московской области, Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей, 2020. — 124 с.

ISBN 978-5-94375-310-7

В работе обобщены сведения о редком виде надгробного памятника Московской Руси — белокаменных крестах с геометрическим декором, бытовавших в последней четверти XV в. — первой половине XVI в. География находок рассматриваемых крестов включает Москву и Подмосковье, Ярославскую, Костромскую и Калужскую области. Поднимается вопрос о связи между скульптурно и орнаментально декорированными каменными крестами. Введение в научный оборот новых памятников монументальной ставрографии существенно обогащает наши представления о погребальной и поминальной культуре средневековой Руси.

Издание предназначено для археологов, историков, искусствоведов, краеведов и всех, интересующихся историей России.

ББК 63.4(2)

УДК 902.01

ISBN 978-5-94375-310-7

DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-310-7

© А.В. Алексеев, С.В. Кузьменко, 2020

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2020

© Государственное бюджетное учреждение культуры Московской области Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей, 2020

Ex ungua leonem cognoscimus: белокаменный крест как новое явление в культуре ранней Москвы

Археологи, искусствоведы и историки, знакомясь с этой книгой, несомненно, испытают чувство радости. Ведь они станут свидетелями научного открытия в подлинном, беспримесном смысле этого слова. Оно не имеет ничего общего с теми «открытиями», которых ждет от археолога почтеннейшая публика — это не полевая находка (хотя такие в книге есть, и их даже много), которая часто делается случайно или в ходе заведомо результативных масштабных раскопок (при них всегда что-нибудь, да попадетсЯ).

Основа открытия авторов этой книги — внимательное просеивание огромной массы артефактов, связанных с погребальными памятниками XIII-XVII веков. Построение логических цепочек, связывающих друг с другом разрозненные и по отдельности маловыразительные фрагменты резного белого камня, находимые в разных концах Московского княжества. И, в результате такой многолетней работы — восстановление нового явления материальной культуры, определение типовых форм предмета, обретение способности опознавать принадлежащие к его кругу объекты по самым неприметным признакам.

Но, спрашивается, почему все это потребовалось? Ведь Московская Русь — это совсем недавнее явление, можно сказать даже, что это современность, поскольку существование порожденного им государства далеко еще не закончено. Да и такой объект культуры, как крест, в нем хорошо известен, его почитание не прерывалось с принятия христианства в конце X века до наших дней, ему посвящена обширнейшая литература. Специалисты могут отметить и тот факт, что сама по себе погребальная традиция Руси, в том числе в московский период, привлекала внимание многих и может считаться сегодня более или менее детально изученной. Как может быть сделано неожиданное открытие на такой, давно взрыхленной, ниве?

Впрочем, для специалистов по культуре Москвы это вопросы риторические. Хорошо известно, что Московское царство слишком быстро прошло путь от небольшого княжества в удельной системе Северо-Восточной Руси, на периферии империи монголов, до огромной европейской (хотя и с большой азиатской частью) страны — Российского государства. Трудности пути и сам его характер не дали московской культуре окончательно оформиться, приобрести резкие, отчетливые, понятные и устойчивые очертания. Зажатая хронологически между монгольским нашествием и преобразованиями Петра

Великого, она стремительно создавала конкретно-исторические формы — кажется, лишь для того, чтобы вскоре утратить саму память о них, отказаться при очередной коренной трансформации от недавно приобретенного и освоенного. Подлинно московские формы материальной культуре можно опознать примерно с конца XIV в., причем их существование длится, как правило, лет 200—300, хотя иногда они сохраняются в преобразованном, не всегда узнаваемом виде и позже, в России нового времени. Элементы этой культуры столь основательно забыли в XVIII—XIX веках, что в новейшее время ученым приходится их выявлять, идентифицировать заново, вводить в науку, создавать для них понятийный аппарат совершенно теми же (если не более сложными) методами, какие применяются в отношении древнейших цивилизаций.

Но дело того стоит: на этом пути постепенно формируется образ Московской Руси в той его части, которая доступна прежде всего археологам, рождается само понятие «московскости», дающее представление не только о вкусах жителей страны в XIII—XVII веках. Это само по себе было бы немало, но наука достигает здесь большего: она определяет внутренний механизм культуры, показывает ее в работе, объясняет, почему люди (мастера, заказчики, все вообще создатели и потребители культуры) принимали одни элементы в тех образцах чужих культур, с которыми знакомились — и отбрасывали другие. Позволяет проследить, как шаг за шагом вращались в местную ткань новые детали, принесенные подчас очень издалека, становились совсем своими — и вдруг исчезали из глаз (не всегда понятно, почему — но само исчезновение археология показывает со всей отчетливостью).

За последние десятилетия такими московскими культурными явлениями признали целый ряд объектов материально-художественной среды, начиная с бытовой керамики и оригинального московского изразца, а заканчивая большими формами архитектуры (чего стоят одни образки с изображениями народного святого, Никиты Бесогона — верный признак присутствия русского человека на просторах Евразии с XIV до XX века!).

Элементы погребального обряда среди них занимают особое место, ведь церковная жизнь и христианское поминовение оставались неоспоримо важны в течение всех московских столетий Руси для ее жителей. Специфически московскими среди них оказались: белокаменные надгробные плиты; камни-валуны с надписями; необычные саркофаги в форме человеческого тела, соединившие традицию Древнего Востока и романской Европы. Своеобразное археологическое выражение приобрел в Москве обряд предсмертного (и посмертного) помазания.

Сложились собственные формы поминальных записей («эпитафий») и надгробных сооружений, не говоря уже о трудно объяснимых многовековых комплексах, таких как сверхстатусный некрополь Архангельского собора, который, по-видимому, сформировался путем не отрефлексированного, но от этого не менее строгого отбора.

В этой картине каменные надгробные кресты до сих пор считались своего рода зиянием. Не то чтобы их не было известно вовсе — единичные яркие примеры таких памятников тянулись редкой цепочкой от XV до конца XVII века. Но выглядели своего рода флуктуацией, скоплением непонятно как возникших гапаксов. И это при том, что в христианской культуре и Запада (Европа), и Востока (Византия) каменный крест как надгробие использовали очень широко, пусть и неравномерно. Он был достаточно распространен в этой функции и на русском Северо-Западе. Теперь это зияние можно считать в основном заполненным — феномен нашел свое объяснение.

Нет смысла пересказывать книгу. В ней со всей возможной скрупулезностью и строгостью описаны те (пусть пока немногие) кресты, которые авторам удалось выделить в особую хронологическую формально-типологическую группу, обладающую своеобразными художественными достоинствами и, несомненно, привязанную к московской погребальной традиции с ее «крестчатыми» орнаментами. Эта небольшая, но крайне емкая книга станет отныне для археологов и историков искусства незаменимым определителем, по которому можно будет опознать небольшие фрагменты, ранее принадлежавшие крестам (их часто находят разбитыми на достаточно мелкие части).

Много в книге и остроумных историко-культурных гипотез, апеллирующих к особенностям развития Московского государства. Среди них — идея связанности каменного креста как надгробного памятника с теми псковичами и новгородцами, которые переселялись (в основном насильно) в московские пределы. До сих пор археологи встречались с ними в основном в эпитафиях, где иногда указывалась причина появления человека в Москве («веденец») или его происхождение («псковка»). Теперь предстоит, по мере появления новых образцов, проверить эту гипотезу на практике.

Да и само складывание сравнительно устойчивой системы оформления крестов в Московской земле станет важным элементом в медленно, но верно всплывающей из небытия общей системе московской материально-художественной религиозной культуры.

Член-корреспондент РАН Л.А. Беляев

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа представляет собою первый опыт обобщения сведений о редком виде надгробного памятника Московской Руси — белокаменных крестах с геометрическим декором, бытовавших, по нашему мнению, в узких временных рамках — последней четверти XV в. — первой половине XVI в. География находок таких крестов включает Москву и Подмосковье, Ярославскую, Костромскую и Калужскую области. Часть находок, на которых построена наша работа, была опубликована ранее разными авторами, а часть вводится в научный оборот впервые. Общее число известных памятников пока невелико, однако вполне достаточно для понимания своеобразия явления. В большинстве случаев речь идёт о фрагментах крестов, разбитых ещё в древности. Некоторые из них найдены в переотложенном виде при проведении археологических работ, некоторые — при освидетельствовании средневековых могильников, подвергающихся ныне грабительским раскопкам, а другие выявлены в фондах краеведческих музеев. Один из двух сохранившихся целиком крестов находился в качестве почитаемой святыни в сельском храме. На настоящий момент мы не располагаем ни одним образцом, который мог бы быть точно датирован при помощи сопутствующих находке обстоятельств. В лучшем случае можно говорить о верхней границе датировки — начало XVII в., — если анализ письменных источников и археологический контекст позволяют утверждать, что некрополь, с которого происходит памятник, прекратил своё функционирование в Смутное время.

Аргументы для более точной датировки мы можем черпать исключительно из анализа самих памятников — опираясь лишь на факт применения в декоре крестов тех же орнаментов, которые встречаются на плитчатых надгробиях, подразумевая при этом, что выводы, сделанные относительно временных рамок использования этих орнаментов на плитах, могут быть перенесены и на кресты. Это допущение вполне оправдано обстоятельством бытования крестов и плит в одной среде: они устанавливались на одних и тех же кладбищах и, весьма вероятно, изготавливались в одних и тех же мастерских. Таким образом, надгробные плиты являются ближайшим «фоном» для рассмотрения исследуемых крестов и практически единственным ориентиром для их датировки. Типологическая же принадлежность памятников диктует их сопоставление со следующими категориями объектов: а) каменными крестами новгородских и псковских земель, б) скульптурно декорированными белокаменными креста-

ми XV—XVI вв., намогильными и поклонными, из Ростова, Дмитрова, Романово-Борисоглебска и др., в) белокаменными крестами XVI—XVII вв., намогильными и памятными (кенотафами), из Москвы, Московской области, Переславля-Залесского и др. Эти аспекты рассматриваются во второй части публикации.

КАТАЛОГ ПАМЯТНИКОВ

Описания образцов даются в соответствии со следующей схемой: 1) место находки или хранения; 2) краткие исторические сведения о месте находки; 3) собственно описание образцов; выводы об облике и размерах целого памятника (или его отдельных частей), возможные на основании анализа фрагментов.

Для предотвращения повторов мы применяем условное название **«крестчатый квадрат»** с целью обозначения наиболее распространённого вида орнамента среди описываемых памятников. Единица этого орнамента представляет собою прочерченный графьёй квадрат с диагоналями; в каждой из четырёх ячеек квадрата вырезан треугольник подобной с ячейкой формы, только меньше неё. В совокупности четыре треугольника, заполняющие квадрат, производят впечатление крестообразной фигуры с расширяющимися рукавами.

Под **крестом-кросслетом** понимается центрированный крест, каждая из четырёх главных ветвей которого снабжена дополнительной перекладиной.

1. Дер. Рогачёво (Раменский р-н Московской обл.)

Р-1. Рис. 1. Белокаменный крест опубликован С.Е. Компанцом¹. Найден автором публикации в 2012 г. на средневековом могильнике в 1,5 км к западу от д. Рогачёво. Историческая идентификация погоста отсутствует. Крест сохранился относительно хорошо, отбита только часть нижней лопасти и края правой боковой лопасти. Размеры креста: высота — 35 см, ширина — 36 см, толщина — 11 см. Все лопасти прямоугольные, кроме нижней, слегка суживающейся к основанию креста. По сравнению с боковыми лопастями, верхняя заметно уже, а нижняя немного шире. Бортика крест не имеет. В средокрестии находится круглое клеймо (диаметром 16 см), заключающее обронную работу — изображение креста-кросслета простой строгой формы. Выборка фона внутри круга — 5 мм. Вне круга лицевая поверхность (кроме верхней лопасти) сплошь покрыта узором из орнаментальных полос в виде сдвоенных рядов треугольников. Расположение треугольников в полосах противопоставленное и чередующееся, но орнамент выполнен довольно грубо, без образования чёткой

¹ Компанец С.Е. Комплекс намогильных белокаменных крестов и плит погоста Рогачёво // Вопросы эпиграфики. М., 2015. Вып. 8. С. 225—252.

«змейки» между вдвоенными рядами треугольников — в частности, из-за того, что ориентация треугольников не перпендикулярная направлению ряда, а скошенная. Полосы расположены столь плотно друг к другу, что издали поверхность кажется равномерно покрытой многочисленными насечками. Однако в расположении полос имеется определённая система, разная для боковых и нижней лопастей. На боковых лопастях самая внешняя полоса орнамента расположена по краю, образуя поставленную на бок П-образную фигуру. Внутри этой внешней полосы находятся еще три, повторяющие её очертания, только с последовательным уменьшением размеров П-образной фигуры. Нижняя лопасть имела полосы по боковым краям (как видно по сохранившемуся левому краю), а заполнение ограниченной таким образом плоскости состояло из горизонтальных полос. Небольшая верхняя лопасть содержит лишь одну горизонтальную полосу в основании; остальное поле лопасти рисунка не имеет.

Одновременно с охарактеризованным здесь памятником С.Е. Компанцом обнаружены на том же погосте ещё два белокаменных креста (**Р-2, Р-3** (рис. 2, 3)), которые отражены в его публикации¹.

2. Дер. Петелино (Одинцовский р-н Московской обл.)

П-1. Рис. 4. Крупный обломок креста был найден в 2016 г. на селище Петелино 1 (XIV — нач. XVII в.), расположенном на западе Подмосковья. Анализ письменных источников позволяет идентифицировать селище с историческим селом Дмитриева Слободка. В XIV в. это был центр одноименной волости, принадлежавшей Дмитрию Донскому. Впервые Дмитриева Слободка упоминается в духовной грамоте князя Дмитрия Ивановича 1389 г.²

Спасательные археологические раскопки ИА РАН 2016 г. под руководством одного из авторов были сосредоточены в южной части селища³. В раскоп площадью ок. 1500 кв. м попал участок средневекового прицерковного некрополя, где исследовано более 60 погребений.

¹ Там же. С. 232—233. При внимательном рассмотрении обломка креста Р-3 выяснилось, что лицевая сторона памятника была орнаментирована. Рисунок сохранился очень плохо. Приводим наш вариант его графической реконструкции (рис. 3б).

² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950. С. 33—36.

³ Алексеев А.В., Смирнов А.Н. Селище Петелино-1 (Московская область, Одинцовский район). Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 19. М., 2017. С. 8—13.

1



2



3a



3б



Рис. 1—3 (а, б). Кресты со средневекового погоста близ дер. Рогачёво (Раменский р-н Московской обл. (P-1, P-2, P-3)). Фото К.Ю. Низамутдинова и С.Е. Компанца



Рис. 4. Фрагмент креста с селища у дер. Петелино (Одинцовский р-н Московской обл. (П-1))

ний. Некоторые могилы маркировались крупными валунами и тонкими белокаменными плитчатыми надгробиями, декорированными геометрическим рисунком, характерным для XV—XVI вв. К северу от раскопа на периферии современного кладбища (на преобладающей высоте) обнаружено и обследовано предполагаемое место древней деревянной церкви, где было найдено скопление предметов христианской металлопластики — наперсных крестов и створок энколпионов. Рядом, на территории кладбища было зафиксировано несколько валунных надгробий раннемосковского времени и поднят крупный обломок резного белокаменного креста XV в.

Обломок представляет собою средокрестье с двумя боковыми лопастями. Размер обломка: ширина — 42 см (соответствует ширине целого креста), толщина — 12—13 см. Боковые лопасти расширяются за счёт наклона (подъёма) верхних краёв, при этом нижние края лопастей горизонтальны; боковые края слегка скошены. Ширина боковых ветвей в основании — 18 см, на конце — 20 см. Верхняя лопасть в основании имела ширину 18 см и, насколько можно судить по её остатку, слегка расширялась кверху. Скол отломанной нижней лопасти сильно заглажен; ширина нижней лопасти — там, где она соединялась со средокрестием — оценивается в 20—22 см.

Крест оконтурен невысоким бортиком, покрытым «крестчатыми квадратами». На первом этапе изготовления креста было сделано

ровное внутреннее поле. Затем в средокрестии появился круг (будем называть его клеймом) с заключённой в нём обронной работой: крестом типа кросслет и окружающим его кольцом. Геометрическое построение этих элементов очень точное: центром всех круглых контуров является средокрестье креста-кросслета. Граница клейма пересекла вдающиеся в средокрестье углы бортика, так что при выборке фона для обронной работы попавшие внутрь этой границы участки бортика оказались «съеденными». Это хорошо заметно по верхней паре вдающихся углов бортика, уцелевшей на обломке; а нижней пары, надо полагать, это коснулось в ещё большей мере, чем верхней. Возможно, первоначальный замысел резчика ограничивался маленьким клеймом, вмещающим только крест-кросслет, но затем резчику захотелось усилить впечатление декоративности от своего изделия, из-за чего непредусмотрительно пострадали бортики. Расположение клейма, на обломке кажущееся смещённым вниз, диктовалось разницей в ширине между верхней и нижней лопастями. Все перекладины креста-кросслета расчерчены срединными линиями. На пересечении этих линий просверлены углубления. На ленту кольца, окружающего крест-кросслет, нанесён трёхгранно-выемчатый орнамент из одного ряда равносторонних треугольников, скомпонованных путём чередования их ориентации. Такой же орнамент был нанесён и вне круга, заключающего обронную работу, — кольцо этого «внешнего» орнамента прерывалось вдающимися в средокрестье углами бортика. Поля боковых лопастей снабжены дополнительным орнаментом в виде диагонального ряда мелких треугольников, удлинённых перпендикулярно направлению ряда. Начало ещё одного такого ряда прослежено на остатке поля верхней лопасти креста. Следовательно, в поле верхней лопасти были два диагональных пересекающихся ряда насечек, что находит аналогию на фрагменте креста из некрополя храма Воскресения Христова в Кадашах (ВК-61)¹.

3. С. Кременское (Медынский р-н Калужской обл.)

Три крупных обломка разных крестов найдены в отвалах грабительских раскопок на территории средневекового погоста, расположенного на левом берегу р. Лужи примерно в 2 км к востоку от современного с. Кременского, которое связывается со средневековым

¹ Егоров К.А. Белокаменные надгробия храма Воскресения Христова в Кадашах (каталог). М., 2015. С. 74.

городом Кременцом, где во время Стояния на Угре в октябре 1480 г. располагалась ставка Ивана III¹.

В настоящее время обломки крестов являются экспонатами школьного краеведческого музея с. Кременского².

Поверхности обломков подверглись выветриванию, орнамент сильно стёрт.

Фрагмент № 1. **Кр-1.** Рис. 5. Представляет собою крест, лишившийся нижней лопасти. Ширина сохранившейся части — 43 см (соответствует ширине целого креста), высота — 32 см, толщина — 13 см. Верхняя лопасть прямоугольная. Форма боковых лопастей выглядит следующим образом: верхние края поднимаются от основания лопастей к их бокам; боковые края слегка скошены; нижние края, судя по направлению внутренней границы бортика, были горизонтальны. Крест оконтурен едва выступающим бортиком, покрытым лентой «крестчатых квадратов». В поле памятника находятся четыре одинаковых круглых клейма (фон в клеймах углублен по отношению к плоскости поля) с обронным изображением креста-кросслета: одно клеймо в средокрестии и по одному в поле каждой из сохранившихся лопастей. Диаметр клейм — 7,5 см. По отношению к геометрическому центру средокрестья (если определить его как пересечение мысленно проведённых диагоналей, соединяющих внутренние вдающиеся углы бортика), центр срединного клейма находится существенно ниже и немного правее. По-видимому, это связано с тем, что сначала были размечены клейма в лопастях, а положение клейма в средокрестии было определено как равноудалённое от этих клейм. Изображения крестов-кросслетов имеют пропорционально тонкие ветви, снабжённые акцентированными срединными желобками.

Фрагмент № 2. **Кр-2.** Рис. 6. Сохранившийся обломок имеет удлинённую нижнюю и короткие верхнюю и боковые лопасти, при этом верхняя лопасть уже нижней, а боковые уже верхней. Высота фрагмента — 39 см, ширина — 31 см, толщина 10 см. Ширина нижней лопасти — 18,5 см, верхней — 13,5 см, боковых ветвей — 10,5 см. Крест был снабжён выступающим бортиком с «квадратно-крестчатым» орнаментом. Из-за небольшой ширины боковых лопастей их внутренние поля очень узки. В тесном средокрестии помещено прорезное изображение равноконечного креста, образованное пятью «крестчатыми квадратами». Ещё два прорезных «крестчатых квадрата», помещённых друг над другом, видны в нижней части поля

¹ Археологическая карта России. Калужская область. М., 1992. С. 79.

² За помощь в работе с памятниками благодарим директора сельской школы с. Кременское Э.А. Краснова.



Рис. 5, 6. Обломки крестов из окрестностей с. Кременское (Медынский р-н Калужской обл. (Кр-1, Кр-2))

нижней лопасти. Продолжение фигуры креста, которой принадлежали эти два «крестчатых квадрата», утрачено из-за скола лицевой поверхности, граница которого проходит в 6 см от нижнего края обломка. Не исключено, что оригинальное изделие имело ещё одну перекладину, в таком случае нижнее изображение креста помещалось в средокрестии, а сохранившаяся на обломке малая перекладина была дополнительной верхней. На обломке имеются процарапанные монограммы: немного ниже верхнего изображения креста — **ИС ХС**; по бокам от частично уцелевшего нижнего изображения креста — **ЧРЬ** (**СЛА**).

Фрагмент № 3. **Кр-3**. Нижняя лопасть, расширяющаяся книзу, неорнаментированного креста. Боковые края имеют лёгкую дугообразную вогнутость. В пяте лопасти сохранился шип для установки креста на горизонтальное основание с пазом. Размеры фрагмента: наибольшая ширина лопасти — 22,5 см, наименьшая ширина — 16 см, высота — 38 см (включая шип), толщина лопасти — 13 см. Размеры шипа: ширина — 12 см, высота 6,5 см; «зуб» несколько тоньше, чем лопасть (затесан с задней стороны изделия).

4. Московская область, г. Звенигород, Верхний Посад

ЗРП-25. Рис. 7. В значительной мере сохранившийся каменный крест (из двух обломков) и фрагменты ещё двух крестов найдены одним из авторов при археологическом изучении древнего Рождественского погоста в 2014 г. — первом научном обследовании этого памятника археологического наследия¹. Крест уже был опубликован²; в настоящее время он находится в экспозиции Звенигородского музея.

Рождественский погост — один из трёх средневековых некрополей Верхнего посада Звенигорода. Возникновение погоста относится предположительно ко времени княжения Юрия Дмитриевича (конец XIV — первая треть XV в.), на что указывают находки надгробных плит с неустойчивой антропоморфной композицией, датирующиеся временем не позже первой половины XV в. Прекращение функционирования кладбища следует связывать с событиями Смутного времени, что подтверждается и сохранившимися письменными источни-

¹ Алексеев А.В. Отчет об археологических разведках на Верхнем посаде города Звенигорода в 2014 г. Звенигород, 2015. Архив ИА РАН. Р-1.

² Алексеев А.В. Церковные древности Звенигородской земли. Звенигород, 2017. С. 65—67.



Рис. 7. Крест с Рождественского погоста г. Звенигорода (Московская обл. (ЗРП-25))

ками, и археологически (факт отсутствия могильных плит XVII в.). Вероятно также, что церковь и кладбище при ней были перенесены на новое место из-за паводков, заливавших кладбище в XVI—XVIII вв.: в шурфах на обследованном участке был зафиксирован слой аллювиальных отложений. Анализ топографии территории погоста позволил выявить предполагаемое место деревянной церкви Рождества Христова.



Рис. 8. Надпись (и её прорисовка) на боковой ветви креста (ЗРП-25) с Рождественского погоста г. Звенигорода

Район находки креста ЗРП-25, сохранившегося в виде двух обломков (фрагменты №№ 1 и 1а) интерпретируется как место у алтаря Рождественской церкви. Археологический контекст находки креста довольно примечателен. Он позволяет восстановить следующую картину. Была вырыта яма глубиной около 50 см от дневной поверхности времени функционирования кладбища. На дне ямы были уложены оба обломка креста. Грунтовая засыпка ямы была перекрыта сверху крупным фрагментом надгробной плиты (примерно половина

целой). Плита датируется концом XIV — первой половиной XV в; в данном случае она использована вторично. Захоронения или могильного перекопа под крестом не выявлено. В заполнении ямы человеческие останки отсутствовали. Таким образом, условия находки креста указывают на то, что он был преднамеренно закопан, причём в яме, имитирующей могильную. Вполне вероятно, это была реакция какого-то благочестивого человека на то, что крест оказался разбитым по неизвестным нам причинам (сознательное разрушение кем-то? падение элемента кровли с церкви?). Распавшийся крест уже не мог быть ни восстановлен на прежнем месте, ни вторично использоваться. Однако он продолжал восприниматься как сакрализованный объект. Поэтому можно предположить, что закапывание креста имело целью уберечь его от какого-либо поругания, в том числе неосознанного: например, чтобы его не попирали ногами люди или животные. Произошло это не позже упразднения кладбища, т.е. начала XVII в.

На большем фрагменте № 1 полностью уцелели левая и нижняя лопасти креста. Меньший фрагмент № 1а представляет собою сохранившуюся с утратами правую лопасть. Ширина целого креста оценивается в 51 см. Высота фрагмента № 1 — 61 см, из которых 11 см приходится на прямоугольный шип, посредством которого крест устанавливался в гнезде подставки. Высота целого объекта, при мысленной реконструкции верхней лопасти, оценивается примерно в 63 см (без шипа). Толщина креста в основании — 15 см, в верхней части — 13,5 см. Боковые лопасти креста строгой прямоугольной формы; ширина полностью сохранившейся левой лопасти 19 см. Нижняя лопасть расширяется к основанию креста от 20,5 см до 35 см; её боковые стороны слегка вогнутые. Ширина шипа — 21 см. Верхняя лопасть, как хорошо видно по её остатку, кверху немного суживалась; ширина верхней лопасти в основании превосходила ширину нижней лопасти в месте её отхождения от средокрестья.

Низкая кислотность почвы была благоприятной для сохранения известнякового изделия, поэтому характер обработки его поверхности, детали декора читаются очень хорошо. Любопытно отметить, что шип — такой же толщины, как и сам крест — сохранил обработку теслом, т.е. черновую обработку всей заготовки. Благодаря наличию такого «контрольного участка» можно оценить, сколь тщательно была заглажена лицевая поверхность, прежде чем мастер приступил к вырезанию орнаментов. Разновидности орнаментов представлены линейно-графией, трёхгранно-выемчатой резьбой и оброчной работой. Лицевая поверхность окаймлена лентой из «крестчатых квадратов»; нижний

горизонтальный отрезок ленты в основании креста отступает от подошвенного уровня (судя по некоторой небрежности разметки этого отрезка, изначально он, вероятно, не планировался). Ленты каймы по бокам нижней лопасти расширяются книзу, что хорошо увязано с расширением самой лопасти. Декоративное заполнение нижней лопасти находится в той же плоскости, что и кайма. Это заполнение представлено парой крупных «крестчатых квадратов» и пятиугольной фигурой над ними, вдающейся верхним углом во внутреннее поле. С целью соблюдения плотности рисунка пятиугольная фигура снабжена графьёй, очерчивающей внутреннюю рамку, и «крестчатым квадратом» в центре фигуры. Внутреннее поле памятника представляет собою углубленный фон, при выборке которого было высечено обронное изображение креста-кросслета в средокрестии. Изображение креста смещено влево от вертикальной оси памятника (вероятно, из-за изъяна известняка, например, каверны или инородного включения (твёрдой окаменелой ракушки), в том месте, где изображению надлежало бы находиться по соображениям симметрии). Крест-кросслет имеет расширяющиеся концы основных ветвей; все его ветви расчерчены средними линиями. В поле левой лопасти небрежно процарапано изображение простого равноконечного креста — очевидно, появившееся уже после изготовления памятника.

Следует отметить, что исполнение орнамента «крестчатый квадрат» на обсуждаемом памятнике существенно отличается от такового на прочих памятниках. Обычно вырезанные треугольники достаточно плотно заполняют внутреннее пространство квадрата, стороны вырезанных треугольников параллельны сторонам треугольных полей, внутри которых они находятся, и сама единица орнамента в целом может восприниматься как Х-образная фигура, вырезанная оброном. На обсуждаемом же памятнике вырезанные треугольники мелкие (относительно треугольных полей, образуемых графьёй) и расположены довольно свободно, т.е. без соблюдения параллельности их сторон сторонам разграфлённых полей. В результате не образуется целостного впечатления от единицы орнамента — в ней слишком ощущается плоскость, на которую лишь нанесены линии и треугольники, это не выкристаллизовавшийся трёхмерный раппорт. Этим, в частности, и объясняется такое свободное обращение с этим орнаментом на данном памятнике: расширяющиеся ленты, компоновка вместе нестандартизованных по размерам и форме единиц орнамента, — чего нельзя встретить в других случаях его применения. Близкую аналогию орнаменту на звенигородском кресте обнаруживает лишь «крестчатый квадрат», уцелевший на осколке надгробной



Рис. 9, 10. Фрагменты крестов с Рождественского погоста г. Звенигорода (ЗРП-26, ЗРП-27)

плиты, найденной на участке Воскресенской церкви в Кадашах в Москве (ВК № 72)¹. Уникальная особенность креста — наличие надписи-граффити на торце правой ветви (рис. 8). По палеографическим признакам надпись датируется XV в. Она сохранилась практически полностью, но из-за повреждений читается не совсем уверенно. Наш вариант прочтения: Крт // (пос)тавленъ // (е)сть свѣ(т) // ъ — «Поставленный крест есть свет». Таким образом, каменный крест мыслился не только как могильный памятник, но и как объект поклонения².

Фрагмент № 2. ЗРП-26. Рис. 9. Осколок крупного резного изделия, имевшего высокий бортик с нанесённой на него лентой из «крестчатых квадратов». Во внутреннем поле изделия находились выполненные оброном резные изображения орнаментального характера (переплетающиеся ветви?), интерпретировать которые из-за недостаточного размера фрагмента и отсутствия хорошо сохранившихся аналогий пока не удаётся³. Одна из боковых сторон (при длинном участке бортика) была особым образом обработана: она сделана не плоской, а слегка выпуклой в профиле. Измерения фрагмента: длина — 18 см, ширина — 16 см, толщина — 9 см.

Фрагмент №3. ЗРП-27. Рис. 10. Является остатком нижней лопасти креста, расширяющейся книзу. Боковые края лопасти вверху прямые, внизу вогнутые (заметно при правом крае). Лицевая поверхность, хотя и гладко затёсана, имеет неровности — лёгкое «вмятины» и «выпуклости». Вдоль боковых краёв сохранились участки едва выступающего бортика, покрытые «крестчатыми квадратами». Измерения фрагмента: наименьшая ширина (вверху) — 20 см, наибольшая ширина (внизу) — 25 см, высота — 21 см, толщина — 13 см.

5. Московская область, г. Звенигород. Музей

З-1. Рис. 11. Фрагмент креста, составленный из двух осколков, находится в экспозиции Звенигородского музея.

Найден в 1960-е гг. в окрестностях Городка — кремля средневекового Звенигорода. Более точная информация о месте находки отсутствует.

¹ Егоров К.А. Белокаменные надгробия храма Воскресения Христова в Кадашах (каталог). М., 2015. С. 82.

² Алексеев А.В. Средневековый каменный крест из Звенигорода // Археология Подмосковья. Вып. 11. М., 2015. С. 451.

³ Наиболее близкая на данный момент аналогия — фрагмент ПС-4 нижней части креста из д. Пудово-Сипягино (см. ниже).



Рис. 11. Фрагмент креста из Звенигорода (Московская обл. (З-1))

Заметно выветрившийся фрагмент небрежно сделанного креста. Отсутствуют верхняя лопасть полностью и часть нижней лопасти (основание креста). Ширина фрагмента 31 см (соответствует ширине целого креста), высота 23,5 см. Короткие боковые лопасти, прямоугольных очертаний, заметно разные по ширине: левая лопасть шириной 14 см, правая 12 см, при этом верхние края обеих лопастей находятся примерно на одном уровне, так что асимметрия происходит от разницы в уровнях нижних краёв. Нижняя лопасть немного суживается книзу, где её ширина — 18 см. Толщина креста — 8,5 см. Крест оконтурен слегка выступающим бортиком, покрытым «крестчатыми квадратами». Выступ бортика на участке левой лопасти сходит на нет. По остаткам бортика в верхней части фрагмента можно догадываться, что верхняя лопасть креста была уже нижней. В средокрестии вырезано (углубляющимся в плоскость поля образом) изображение равноконечного креста, составленное из пяти «крестчатых квадратов».

6. Московская область, г. Можайск. Петровское кладбище

Мож-1. Рис. 12. Практически полностью сохранившийся каменный крест был найден краеведом И. И. Николайченко на территории со-

временного Петровского кладбища в Можайске. На месте кладбища в XVI—XVIII вв. находился Петровский женский монастырь¹. Фрагменты белокаменных надгробных плит с геометрическим декором, очевидно, относящиеся к некрополю исчезнувшего монастыря, неоднократно фиксировались краеведами на современном кладбище.

Крест известен нам только по рисунку, выполненному художником по протиркам и фотографии. Известны также промеры памятника. Автор находки И.И. Николайченко скоропостижно скончался в 2016 г., и местонахождение креста в настоящее время нам не известно. По сообщению находчика, на Петровском кладбище крест использовался вторично как памятный знак на старой бесхозной могиле, поэтому его верхняя, возвышавшаяся над землёй часть была окрашена синей масляной краской.

Среди памятников московского круга с геометрическим декором можайский крест — единственный достоверно известный крест с двумя перекладинами. Ветви обеих перекладин прямоугольны, одинаковой ширины. Размах лопастей главной перекладины — 41 см, лопастей нижней перекладины — 34 см. Высота креста — 72 см, из которых 5 см приходятся на шип, с помощью которого крест устанавливался на подпятном камне. Нижняя часть вертикальной стойки креста трапецевидна, ширина этой части в наиболее узком месте — 19 см. Ширина вертикальной стойки между двумя перекладинами — 17 см, ширина верхней лопасти — 14 см; нижней — 12 см. Верх креста завершается двумя скатами, немного «свисающими» по бокам лопасти. Скатy дугообразно вогнуты. Толщина памятника в основании — 13 см.

Наиболее приметная особенность декора обсуждаемого креста — наличие не только бортика, но и выступающих перемычек, посредством которых лицевая поверхность креста подразделяется на несколько изолированных друг от друга полей. Бортик и перемычки покрыты орнаментом из «крестчатых квадратов», стандартизованных по размерам. Только бортик двускатной верхушки-«голубца» покрыт «змейкой» — парой рядов противопоставленных треугольников.

Относительно изображений во внутренних полях мы не располагаем прямой информацией, каким именно способом — обронным или резным на плоской поверхности — они были сделаны. Наиболее вероятен следующий вариант: все изображения крестов, «набранные» «крестчатыми квадратами», а также плоское кольцо вокруг креста в центральном поле (диаметр кольца 13,5 см) сделаны выступающими,

¹ Мокеев Г.Я. Можайск—священный город русских. М., 1992. С. 100—101.

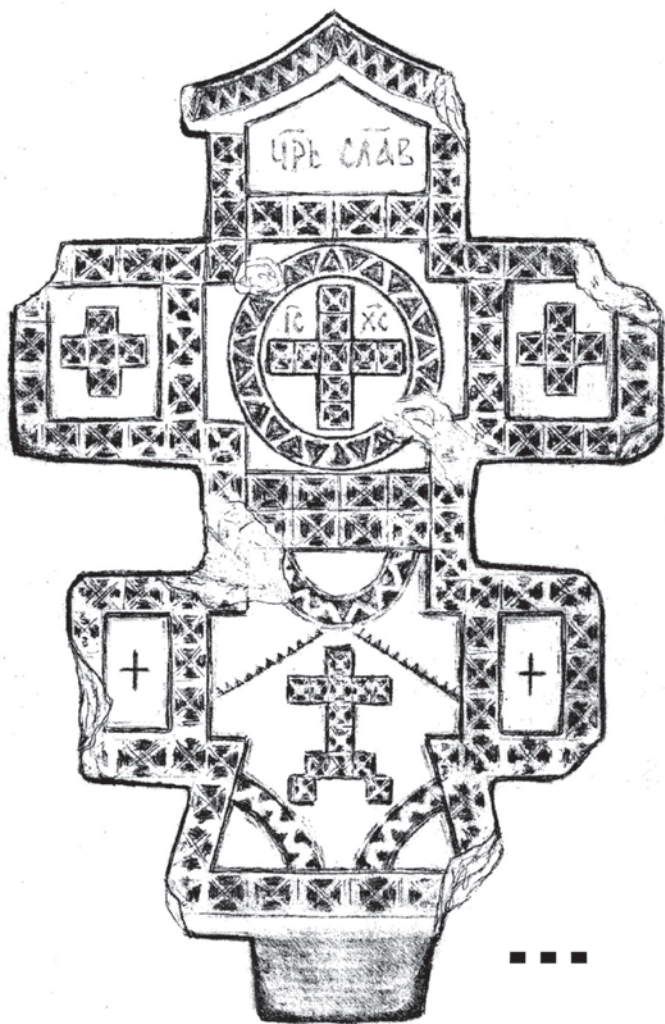


Рис. 12. Прорисовка креста из г. Можайска (Московская обл. (Мож-1))

а остальные изображения вырезаны на плоскости полей. Изображённые кресты все четырёхконечные, однако их конкретные формы подчиняются размерам и (или) пропорциям полей, внутри которых они находятся. Центральное поле имеет четырёхсторонне-симметричную крестчатую форму, поля лопастей главной перекладины близки к квадратам — и в этих трёх полях помещены равносторонние кресты. Поля лопастей нижней перекладины вытянутой прямоугольной

формы, и процарапанные в них изображения маленьких крестов тоже вытянутые (с удлинёнными по отношению к боковым вертикальными ветвями). Нижнее центральное поле сложной крестчатой формы, и этой форме великолепно соответствует изображение неравностороннего креста на ступенчатой Голгофе. Дополнительная декорация нижнего центрального поля: полукольцо вверх, дуги при углах основания, два косых ряда мелких треугольников, — по-видимому, была призвана обеспечить равномерное заполнение лицевой поверхности памятника орнаментами. Поле верхней лопасти содержит лишь процарапанную аккуратную контрактуру: ЦРЬ СЛАВ [под титлами]. По сторонам от центрального изображения креста, при этом внутри кольца, этот крест окружающего, нанесена христограмма: IC XC [под титлами].

7. Ярославская область, г. Мышкин. Народный музей

Рис. 13. Семь фрагментов вертикальных надгробий происходят из д. Кузьмодемьянка (Мышкинский р-н Ярославской области). Собраны в 1970-е гг. археологической экспедицией Мышкинского народного музея — краеведами В. Гречухиным, О. Корсаковым и др. Интересующие нас фрагменты были выявлены среди находок экспедиции и опубликованы ярославским краеведом А.Ю. Быковым в 2014 г.¹

Ввиду того, что описания публикатора нуждаются в уточнениях и корректировке, приведём наши комментарии, придерживаясь нумерации фрагментов, введённой публикатором. Все непосредственно указанные измерения взяты из статьи А.Ю. Быкова; реконструированные нами значения производны от этих измерений.

Фрагменты **КД-8** и **КД-25** состыкуются друг с другом. А. Быков допускал также возможность стыка фрагментов **КД-8** и **КД-17** — на самом же деле они относятся к разным изделиям, весьма похожим, однако, по оформлению.

Композиция, оказавшаяся на этих осколках **КД-8** и **КД-25** (будем рассматривать их совместно), читается очень хорошо — круглое клеймо диаметром 14,5 см, в котором путём выборки фона высечена обронная фигура. Эта фигура как целое представляет собою большой крест-кросслет, но заполнение фигуры довольно сложно. Мож-

¹ Быков А.Ю. Уникальные находки (Надгробные памятники-кресты XV—XVI вв. из собрания Мышкинского Народного музея) // Мышкинская «Лоция». Мышкин, 2014. № 7(13) С. 5—13.

но сказать, что крест «набран» квадратными ячейками одинакового размера. Хорошо видна сетка графы из квадратов — подготовительная разметка фигуры. Центральные 5 ячеек, образующие 4-хконечный крест («сердцевину» креста-кросслета), были вместе выбраны до уровня фона. В перекрестьях главных и дополнительных ветвей креста-кросслета ячейки сделаны «пустыми», т.е. с выбранным внутренним содержимым. На остальных ячейках — которыми заканчиваются и главные, и дополнительные ветви креста-кросслета — вырезаны «крестчатые квадраты». Описанное клеймо было заключено между двумя параллельными орнаментальными лентами, состоящими из крупных «крестчатых квадратов»: участки этих лент сохранились на обоих фрагментах. Ленты эти не выделены возвышением, т.е. находятся в одной плоскости с полем (поверхностью вне клейма). Можно догадываться о наличии на целом изделии ещё одной ленты с третьей стороны от клейма: ряды из мелких треугольников (по одному ряду сохранилось на каждом фрагменте), по-видимому, следует считать маркёрами углов орнаментальной рамки. Граница круглого клейма приближалась к этой реконструируемой ленте на такое же расстояние, как и к двум параллельным лентам.

Поскольку на фрагменте **КД-25** сохранился участок оригинальной боковой поверхности¹, описанные совместно фрагменты нельзя считать средокрестьем каменного креста, снабжённым собственной рамкой, по аналогии с можайским крестом. Ленты из «крестчатых квадратов», участки которых видны на обсуждаемых фрагментах, относились к окантовке изделия. Весьма маловероятно, что это изделие было каменным крестом, т.к. крупное клеймо, со сложным изображением внутри него, затруднительно представить не в средокрестии, а на какой-либо из лопастей креста. При этом несомненно, что реконструируемое надгробие было вертикальным. Таким образом, мы считаем возможным предполагать, что оно имело стеловидный характер. Ширина сложенных вместе фрагментов **КД-8** и **КД-25** — 25,5 см — почти полная ширина стелы (полная составляла примерно 27 см).

На фрагменте **КД-17** угадывается композиция, чрезвычайно близкая к композиции на описанной выше паре фрагментов, однако круглое клеймо на **КД-17** имело существенно меньший диаметр: мы оцениваем его в 11 см. Кроме того, если на фрагментах №№ 8 и 25 выбранный фон для обронной работы находится только внутри клейма, то на фрагменте № 17, сверх этого, был выбран фон между клеймом

¹ Это обстоятельство нам удалось специально проверить благодаря любезной помощи Карсакова О.Б. — зам. директора по науке НЧУК «Мышкинский народный музей», сделавшего по нашей просьбе фотографии фрагмента при боковом ракурсе.

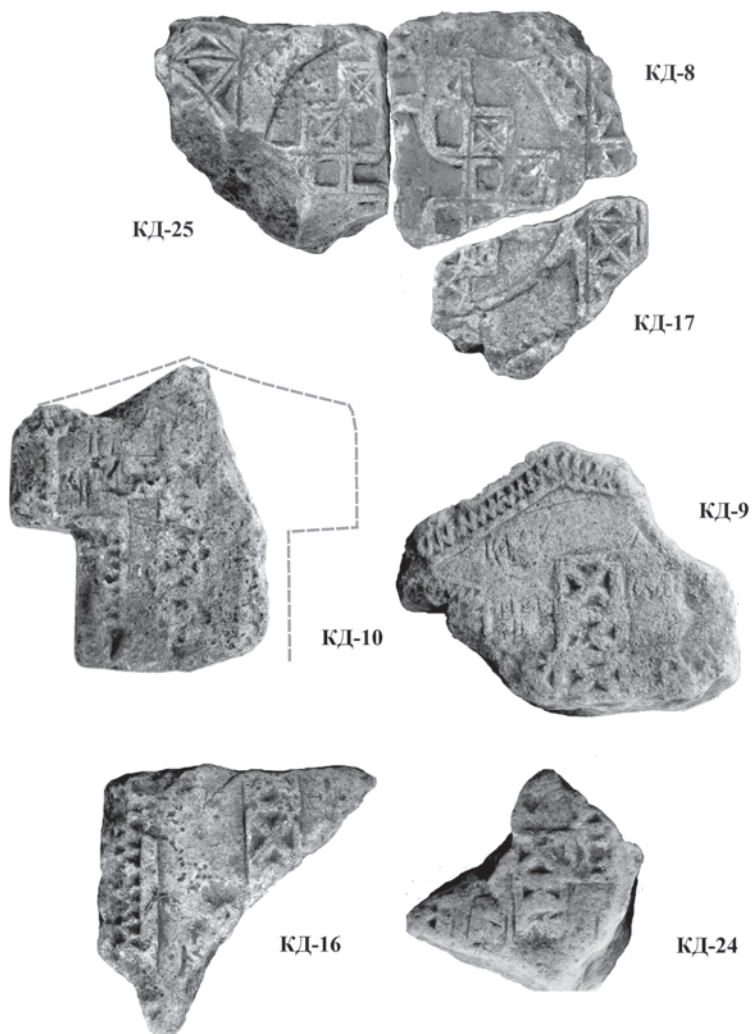


Рис. 13. Фрагменты вертикальных надгробий из д. Кузьмодемьянка (Мышкинский р-н Ярославской обл. (КД-25, КД-8, КД-17, КД-10, КД-9, КД-16, КД-24)). Фото А.Ю. Быкова

и лентой «крестчатых квадратов», при этом клеймо оказалось в окантовке из узкой выступающей полосы. Таким образом, на фрагменте № 17 ленты «крестчатых квадратов» находится на бортике, от которого, впрочем, не обособлена окантовка клейма (там, где край клейма находится близко к бортику). Круглое клеймо фрагмента **КД-17** содержало в себе точно такое же изображение креста-кросслета, что и на фрагментах №№ 8 и 25, только, разумеется, меньших размеров. Несмотря на сходство, а также на одинаковую толщину (9 см) всех трёх фрагментов, фрагмент **КД-17** и фрагменты **КД-8** и **КД-25** относятся к двум разным изделиям, т. к. между «крестчатыми квадратами» на бортике фрагмента **КД-17** и бордюре фрагментов **КД-8** и **КД-25** есть существенная разница в размерах и в манере рисунка.

Принимая во внимание те же самые аргументы, что и для фрагментов №№ 8 и 25, мы предполагаем на основе фрагмента № 17 также стелу, только меньшей ширины (примерно 20 см).

В другую группу находок объединяются остальные четыре фрагмента из д. Кузьмодемьянка. Наиболее важным для их осмысления является фрагмент **КД-10**. Публикатор счёл имеющееся на фрагменте «плечико» остатком перекладины креста — в действительности же это «плечико», без всякого сомнения, относится к навершию изделия. Скаты навершия-«голубца» были прямыми или слегка вогнутыми, что видно по читающемуся на фрагменте внутреннему краю бортика левого ската. Направление ската подтверждается также остатками ряда мелких треугольников, вырезанных на бортике. Вертикальный участок бортика на «плечике» сохранился во всю ширину, которая соответствует ширине бортика на нижней прямой части фрагмента. Очевидно, такой же шириной обладал и бортик при скатах. Горизонтальный участок бортика внизу «плечика» сделан узким. Орнамент широкого бортика нижней прямой части («стойки») и навершия одинаков — он представлен рядом мелких треугольников, расположенных основаниями вдоль внутреннего края бортика. Как кажется, этому ряду треугольников противостоял такой же ряд при внешнем крае, однако из-за повреждений периферии лицевой поверхности этот внешний ряд треугольников почти не читается. Если этот внешний ряд действительно существовал, то он не был тесно сомкнутым с сохранившимся внутренним рядом. Во внутреннем поле фрагмента — обронное изображение креста, составленное из «крестчатых квадратов». Боковые и верхняя лопасти этого креста состоят каждая из одного «крестчатого квадрата». Перекладина креста находится внутри навершия изделия. От нижней части «древка» креста уцелели три «крестчатых квадрата».

В поле наверхия, слева от верхней части изображения креста, заметны процарапанные христограмма с контрактурой: ИСЪ ЧР, которым на правой, несохранившейся, стороне должны были отвечать ХС СЛА. Вероятно, изображённый крест внизу имел горку-Голгофу. Такая Голгофа (также из «крестчатых квадратов») частично уцелела на фрагменте **КД-24**, относящемся к другому изделию. Допущение Голгофы у изображения креста на фрагменте **КД-10** сопряжено с допущением большей высоты для нижней прямой части («стойки»). Высота фрагмента — 21 см; при мысленном же наращивании прямой нижней части (для размещения вышеупомянутой Голгофы) и реконструкции отколотой верхушки высота увеличивается до 30 см. Т.к. толщина фрагмента всего 5,5 см, вряд ли целое изделие было крестом с перекладиной и наверхием, ибо в таком случае оно (изделие) было бы непропорционально тонким. Кроме того, приведённые выше монограммы позволяют догадываться, что изображённый крест был на изделии единственным (ср. с каменным крестом Г-1 из с. Густомесово, где монограммы были распределены между двумя изображениями крестов). Вероятнее всего, изделие было вертикальным стеловидным надгробием с наверхием-«голубцом». Реконструируемая ширина наверхия — 23 см, реконструируемая ширина нижней части обломка — 14 см.

Фрагмент **КД-9** также представляет собою верхнюю часть изделия. Изделие это более массивное: его толщина 7 см; вертикальная «стойка» сохранилась на фрагменте во всю ширину, и эту ширину мы оцениваем в 18,5 см. Форма наверхия решена таким образом, что наверхие можно уподобить сдавленному ромбу. Верхушка изделия несколько смещена влево от его вертикальной оси. Бортик наверхия и вертикальной «стойки» одинаков и по ширине, и по орнаментации двумя противопоставленными рядами мелких треугольников, сомкнутых до образования «змейки» между ними. Во внутреннем поле изделия находилось обронное изображение креста, составленное из «крестчатых квадратов». Изображение креста на фрагменте № 9, в отличие от фрагмента № 10, почти не «заходит» в наверхие; кроме того, ширина «крестчатых квадратов» на фрагменте № 9 больше (4,5 см), чем на фрагменте № 10 (3,5 см). Верхняя лопасть изображения креста состоит из 2-х «крестчатых квадратов», боковые — из одного «крестчатого квадрата». По бокам от верхней лопасти изображённого креста небрежно, без соблюдения симметрии размещения, процарапаны христограмма с контрактурой: ИСЪ Х(С) ЦРЬ СЛА. Учитывая большой размер изображения креста, высокую вероятность наличия у него основания-Голгофы, следует представить довольно

высокую «стойку», которая вместила бы это изображения. Это изображение ставит под сомнение реконструкцию целого изделия в виде креста. Таким образом, и в этом случае предпочтителен вариант реконструкции в виде стелы с навершием.

На фрагменте **КД-16** сохранился участок бортика и параллельный ему участок составленного из «крестчатых квадратов» изображения креста. Размер фрагмента 17х18 см. Ширина вертикальной «стойки», которой принадлежал фрагмент, оценивается в 23 см (удвоенное расстояние между боковым краем и осью изображения креста). Ширина «крестчатых квадратов» — 3,5 см. Бортик декорирован таким образом, что орнаментальная лента значительно отступает от его внутреннего края, что контрастирует с оформлением бортиков на фрагментах №№ 9 и 10. Толщина фрагмента — 9 см.

На фрагменте **КД-24**, как уже говорилось, частично сохранилась Голгофа от обронного изображения креста. Ширина «крестчатых квадратов» в этом изображении — 3,5 см. У левой оконечности фрагмента заметны два мелких треугольника, которые можно трактовать как остатки орнаментальной ленты бортика, однако его внутренний край не читается — возможно, невысокий бортик был затёрт заподлицо с полем. Ширина вертикальной «стойки», которой принадлежал фрагмент, оценивается не менее чем в 25 см (удвоенное расстояние между левым концом обломка и осью изображения креста). Толщина фрагмента — 8,5 см.

8. Дер. Ямищево (Одинцовский р-н Московской обл.)

Ям-1. Рис. 14. Обломок каменного креста или стеловидного надгробия, найден в отвалах грабительских раскопок средневекового могильника, расположенного в 1,25 км к западу от южной оконечности д. Ямищево. Крупное селище XIV—XVI вв., в границах которого находится могильник, интерпретируется как остатки погоста Дмитрия Солунского на речке Незнани, упоминаемого в качестве пустоши в писцовых книгах 1627—1628 гг.¹ Плиты, найденные на территории могильника, по характеру орнамента датируются 2-й половиной XV—XVI в.

Для удобства описания будем говорить о прямоугольной стеле, не настаивая, однако, на такой интерпретации памятника. Обломок

¹ Алексеев А.В. Церковные древности Звенигородской земли. Звенигород, 2017. С. 179—183.



Рис. 14. Фрагмент вертикального надгробия или креста с селища у дер. Ямищево (Одинцовский р-н Московской обл. (Ям-1))

стелы представляет собою сохранившуюся во всю ширину приторцевую часть изделия. Ширина стелы — 26 см, толщина — 7 см. Длина обломка — 24 см. Орнамент пострадал из-за выветривания, но читается вполне уверенно. Вдоль сохранившихся краёв обломок окаймлён слегка выступающим бортиком, на котором была вырезана лента «крестчатых квадратов». Во внутреннем поле стелы на существенном удалении от торца находилась слегка выступающее круглое клеймо, состоящее из розетки и её окантовки. Розетку образуют вырезанные по радиусам узкие треугольники, направленные вершинами к центру окружности. Кольцо окантовывающей розетку ленты покрыто «крестчатыми квадратами». Клеймо сохранилась примерно наполовину, диаметр его 13,5 см. Расстояние от центра клейма до торца «лопасти» — 20 см. На участке поля между клеймом и торцевым бортиком параллельно последнему нанесены два расставленных ряда мелких равнобедренных треугольников. Расположение треугольников в каждом из этих рядов определяется следующим образом: основания треугольников, составляющих ряд, находятся на

одной линии; узкими вершинами треугольники направлены в сторону торца изделия.

Приведём свои доводы в пользу трактовки надгробия как стелы — памятуя об осторожности этого предположения, ибо надгробия такого типа до сих пор для Московской Руси не описаны. С одной стороны, обломок не относился к горизонтальной плите. На это указывает и наличие бортика, что не имеет аналогий среди плит XV—XVI вв. (а именно к этому времени относится фрагмент), и ширина 26 см, слишком малая даже для детского надгробия. С другой стороны, сложно реконструировать целое изделие в виде каменного креста. Клеймо в виде розетки с расходящимися лучами не встречено ни на одном кресте. (Розетка как таковая присутствует на многих плитах позднего XV в. — XVI в., но только не в виде выступающей над полем фигуры, с применением «крестчатых квадратов» в её окантовке.) Главное же сомнение в отождествлении фрагмента с лопастью креста проистекает из его размерных и композиционных особенностей. Сохранившиеся на обломке внутренние края боковых участков бортика не обнаруживают поворотов, которые указывали бы на то, что «клеймо» располагалось в средокрестии гипотетического креста. К тому же, в центре каменного креста может находиться лишь изображение креста. Следовательно, клеймо должно было целиком помещаться в поле гипотетической лопасти, и длина такой лопасти должна была составлять не менее 23 см. В таком случае крест получается выдающихся размеров среди рассматриваемого круга памятников. Кроме того, большие размеры гипотетического креста плохо соответствуют толщине в 7 см. Таким образом, версия о стеловидном характере надгробия является, на наш взгляд, наиболее приемлемой.

По фотографии краеведов нам известно о находке на этом же погосте крупного фрагмента неорнаментированного креста (его нижней части с характерным шипом (**Ям-2**)).

Заслуживают отдельного описания найденные на этом погосте предметы, которые могли быть подставками для каменных крестов.

Подставка № 1 (**Ям-3**), сохранившаяся почти полностью, представляет собою параллелепипед с прямоугольным в плане гнездом в её верхней стороне (рис. 15, 1). В боковых стенках гнезда сделаны вспомогательные пазы, ширина которых несколько меньше ширины гнезда. Плановые размеры подставки: 22х24.5х23х25 см. Высота подставки — 18 см. Размер гнезда — 9х14 см, глубина гнезда (относительно верхнего края высоких стенок) — 7—8 см. Размеры гнезда соответствуют тем размерным характеристикам, которыми могли

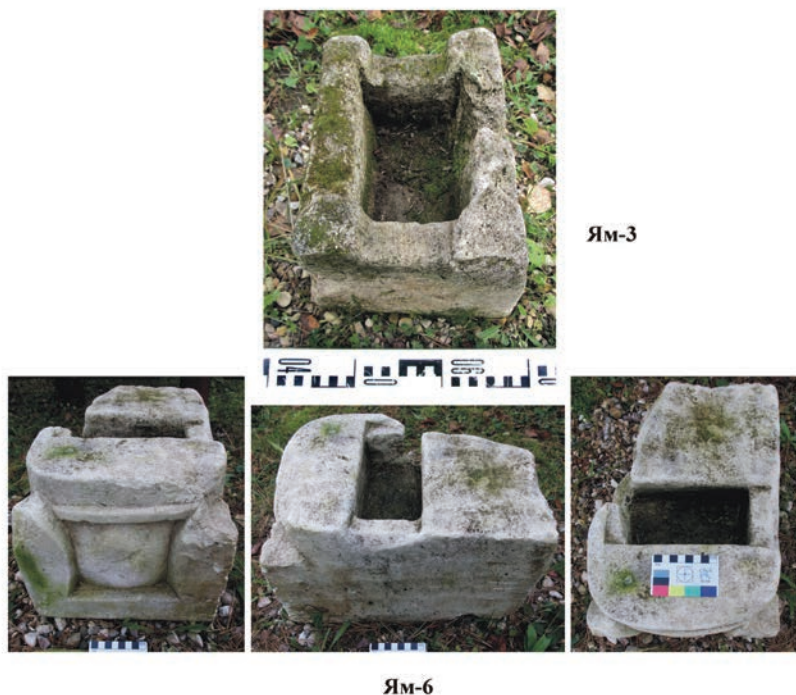


Рис. 15. Подставки под кресты с селища у дер. Ямищево

обладать шипы каменных крестов рассматриваемого круга. Для того, чтобы служить подставкой для каменного креста, предмет должен был на большую часть своей высоты быть зарытым в землю.

Подставки №№ 2 (**Ям-4**) и 3 (**Ям-5**) (сохранились частично) были аналогичными изделиями, только стенки их гнёзд были одинаковыми по высоте (без дополнительных пазов).

Подставка №4 (**Ям-6**), сохранившаяся с некоторыми утратами, — в отличие от предыдущих трёх изделий, представляет собою не просто утилитарный, но и художественно оформленный предмет (рис. 15, 2). Подставка, в целом близкая по форме к параллелепипеду, удлинена в продольном направлении. Боковые грани изделия ровные, а передняя несёт декоративное оформление в виде своего рода объёмной рамки, три части которой (боковые и нижняя) составляют единую массивную фигуру, лицевая сторона которой затёсана в одной плоскости; между боковыми расширяющимися к центру частями рамки, на уровне немного ниже их вершин, в качестве обособленного элемента высечен узкий козырёк-карниз. Эта часть в плане дугообразна, как и выше-

лежащее завершение передней стороны подставки. Поверхность, заключённая внутри рамки, выпуклая. Всю декоративную композицию можно уподобить базе вертикального архитектурного элемента. Измерения основания подставки: передняя сторона — 27,5 см, задняя сторона (сохранилась частично) — 17,5 см, правая боковая сторона — 38 см. Высота подставки — 23 см. На верхней стороне предмета имеется прямоугольное в плане гнездо, ориентированное поперечно. Размеры гнезда — 8,5х16,5 см, глубина — 9,5 см. При торцах гнезда имеются дополнительные неглубокие пазы, не достигающие наружных сторон подставки; т. е. эти дополнительные пазы имеют с внешней стороны бортик. Наличие декоративного оформления передней стороны указывает на то, что погружение предмета в землю не предусматривалось — он должен был целиком обозреваться. Происхождение изделия с территории некрополя указывает на его причастность к намогильным сооружениям (впрочем, можно допустить использование предмета и в интерьере деревянного храма).

9. С. Густомесово (Красносельский р-н Костромской области)

Г-1. Рис. 16. Крест происходит из часовни д. Орлец близ с. Густомесово. При каких обстоятельствах крест попал в эту деревню — неизвестно. В 1920-е гг. часовня была подмыта разливом Волги, и крест был перенесён в Успенский храм с. Густомесово, где стал местночтимой святыней. В 2015 г., когда крест временно находился в храме прп. Тихона Луховского в Волгореченске, он был разбит из-за вандальной выходки прихожанки храма.

На фото, сделанных до разрушения, видно, что крест находился в хорошем состоянии сохранности, т.е. дошёл до наших дней без существенных утрат. Представляет собою типичный намогильный крест с характерным геометрическим декором, свойственным и остальным рассмотренным нами памятникам. Размеры креста: высота 57 см, ширина 32 см, толщина — 8—9,5 см. Для установки на горизонтальную плиту крест снабжён шипом, имеющим ту же толщину, что и само изделие. Силуэт креста характеризуется компактностью и стройностью, что связано, главным образом, с необычными пропорциями прямоугольных боковых ветвей: они коротки и при этом высоки. Свой вклад в создание гармоничного силуэта вносят существенно расширяющаяся к основанию нижняя лопасть и слегка расширяющаяся кверху верхняя, при этом боковые края у них вогнуты; ширина верхней лопасти в основании меньше, чем нижней лопасти в



Рис. 16. Крест из часовни в дер. Орлец близ с. Густомесово (Красносельский р-н Костромской обл. (Г-1))

самом узком месте. Крест имеет навершие-«голубец» в виде миниатюрного объёма, более широкого, чем верхняя лопасть. Скатывающиеся вогнуты. В принципе, навершие, в целом довольно сплюсненное, можно трактовать и как узкую венчающую перекладину. В силуэте креста заметна лёгкая асимметрия: правая ветвь немного опущена по отношению к левой.

Декор креста в целом характеризуется крупным рисунком и чёткой рельефностью. Внутреннее поле креста оконтурено бортиком. На боковых и верхней лопастьях бортик широкий, покрытый орнаментом из «крестчатых квадратов»; навершие и боковые края нижней лопасти снабжены узким бортиком, покрытым «змейкой». Бортик навершия подчёркивает обособленность этой части. Оборонные изображения во внутреннем поле памятника — набранные «крестчатыми квадратами» два четырёхконечных креста на Голгофе: в верхней лопасти находится малый крест, горка-Голгофа которого изображена упрощённо, а остальное поле занимает большой крест на П-образной Голгофе. Квадратные ячейки — единицы орнамента — в изображении верхнего креста существенно меньше (примерно в 2 раза уже), чем ячейки бортика изделия. Основа изображения нижнего креста (собственно крест и горизонтальная «перекладина» Голгофы) набрана ячейками несколько большими, чем бортик; а ячейки «ножек» Голгофы равны ячейкам бортика. Эти «ножки» не вертикальны, а слегка расходятся друг от друга книзу, тем самым «подстраиваясь» под расширение лопасти.

Крест имеет процарапанные надписи: по сторонам изображения верхнего креста — христограмму «IC XC» [под дугообразными титлами]; по сторонам изображения нижнего большого креста аббревиатуру «НИ КА» и контрактуру «ЦРЬ СЛВ» [последняя пара — под ^ - образными титлами]. На торце левой ветви креста нанесена надпись-граффити содержащая часть текста тропаря Кресту Господню, который поется в Крестопоклонную неделю: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресение Твое славим». Вероятно, надпись имеет уже позднее происхождение и её появление относится к тому периоду, когда крест стал объектом поклонения в деревенской часовне. На оборотной стороне памятника имеются полустертые нечитаемые надписи и первичная разметка декора, которая почему-то не удовлетворила мастера-камнереза, и поэтому он перенес рисунок на противоположную плоскость креста¹.

¹ Чернецова С.Б., Андреева А.Ю. Белокаменный резной крест из д. Орлец — неизвестный памятник средневекового камнесечного искусства Верхней Волги. Вестник Костромского Государственного университета. 2018 г. № 3. С. 14—19.

10. Дер. Пудово-Сипягино (до 2012 г. Подольский р-н Московской обл., ныне Троицкий АО г. Москвы)

ПС. Рис. 17. Обломки каменного креста были обнаружены В.В. Кавельмахером в 1985 г. во время натурных работ в кирпичной часовне 1883 г., поставленной на месте Благовещенского храма начала XVI в., находившегося в вотчине Наумовых при селе Сипягине. Материалы этих работ не были опубликованы самим В.В. Кавельмахером, и о данном памятнике ставрографии нам стало известно из краткого упоминания в статье А.В. Яганова¹, принимавшего участие в завершающем этапе обследования остатков древней церкви. По нашей просьбе, А.В. Яганов нашёл в своём личном архиве сделанные им фотографии разрозненных обломков креста, находившихся тогда в интерьере часовни, которые и послужили нам материалом для анализа².

В прижизненно опубликованных трудах В.В. Кавельмахера имеется лишь одно упоминание о церкви в Сипягине — в примечании к статье о ином подмосковном памятнике³. Здесь Благовещенская церковь названа постройкой дьяка Ивана Григорьевича Кобяка. Судя по этому же примечанию, исследователь относил утраченную церковь к ранним вотчинным церквям — памятникам «фряжского строительства», примерами которых являются церковь Рождества Христова в Юркине и церковь Троицы в Чашникове.

Самое раннее упоминание о Благовещенском храме относится к 1626—27 гг., и уже в этом сообщении он фигурирует полуразрушенным: «а в селе бывала церковь каменна... и та церковь обвалилась давно»⁴. Владельцами села в то время были Андрей Фёдорович и Лаврентий Елиазарович Наумовы. В последующем церковь не возобновлялась. Дозорная книга Патриаршего казённого приказа 1680 г. фиксирует местное предание: «по сказке тутошних

¹ Яганов А.В. По поводу происхождения памятного креста по стряпчему С.М. Пустошкину // Вопросы эпиграфики. М., 2011. Вып. 5. С. 362—369.

² Благодарим А.В. Яганова за предоставленную возможность ознакомиться с серией сделанных им фотографий сипягинских находок и консультации по данному объекту.

³ Кавельмахер В.В. К вопросу о времени и обстоятельствах постройки церкви Рождества Христова в Юркине // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1996. С. 421—436. http://www.kawelmacher.ru/science_kavelmacher27.htm

⁴ Холмогоровы, В. и Г. Исторические материалы о церквях и сёлах XVI—XVIII ст. Вып. 8. М., 1892. С. 220.

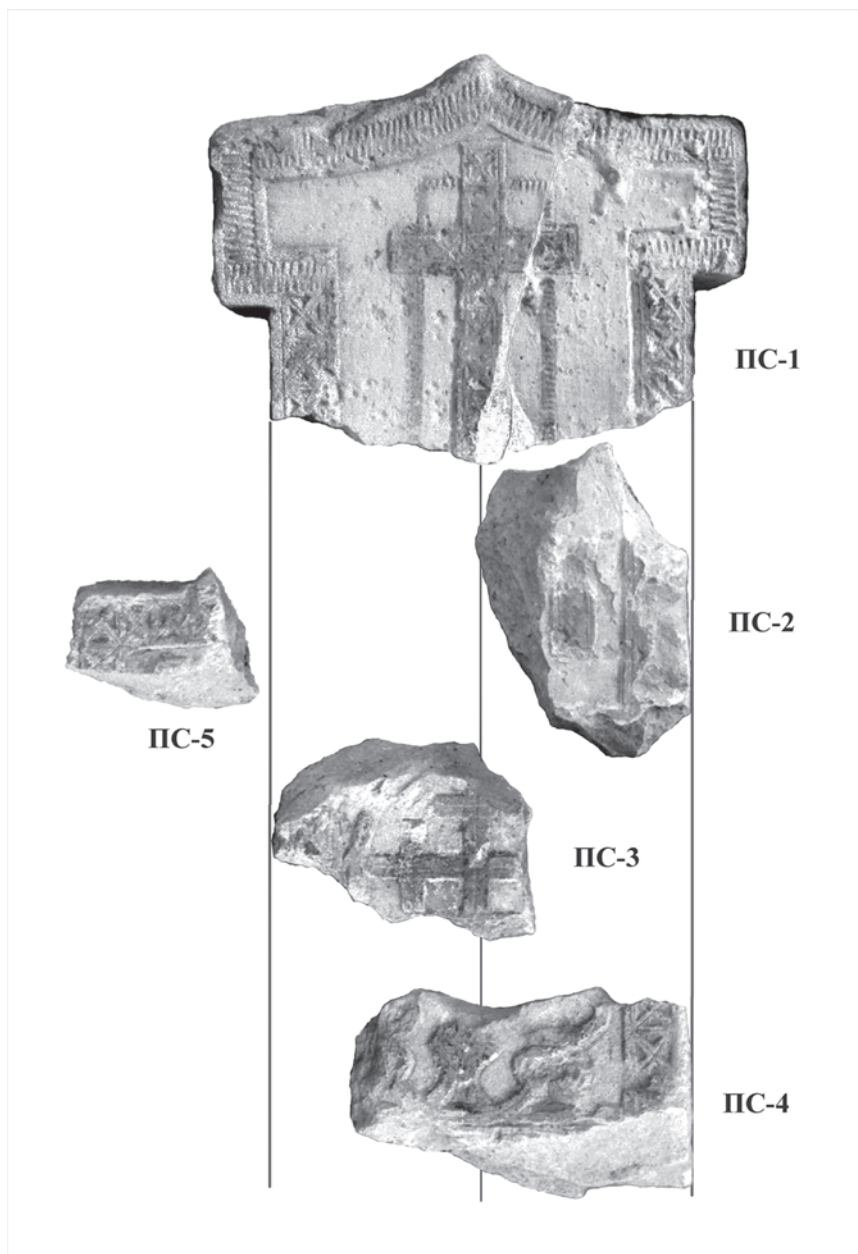


Рис. 17. Фрагменты креста из дер. Пудово-Сиягино (г. Москва, Троицкий АО (ПС-1, ПС-2, ПС-3, ПС-4, ПС-5)). Фото А.В. Яганова

жителей, та церковь развалилась издавших лет от разоренья крымских людей». Согласно этому же документу 1680 г., при развалинах существовало кладбище площадью «с десятину»¹. Какие-то остатки церковного здания сохранялись вплоть до 80-х гг. XIX в.: на плане селца Сипягина, датированном 1880 г., показано место древней церкви, на котором предполагалось возвести часовню². Существующая ныне кирпичная Никольская часовня построена в 1883 г.³

А.В. Яганов предоставил нам сделанные им в 1980-х гг. фотографии общего вида интерьера часовни. Как явствует из этих фотографий, внутри часовни при её сооружении были устроены ниши, в которые затем были вмонтированы надгробные плиты XVI в., очевидно, найденные при планировке древнего церковного места под новое строительство. Ниши находятся в простенках между парами окон на северной и южной стене. Когда В.В. Кавельмахер впервые появился на объекте летом 1985 г., в левой нише северного простенка ещё сохранялась могильная плита. Текст на этой плите, прочитанный исследователем, был уникальным: помимо собственно эпитафии: «лета 1515 мца марта преставися рабъ божый Михаила Иванов снъ Кобяков»⁴, тем же резчиком по краю плиты была нанесена храмовданная надпись: «лета 1515 поставил Иван Григорьевич Наумов Кобяк цркв/ь/ Благовещеня стеи Бдцы». Названный в надписи строитель церкви - известный в письменных источниках дьяк великого князя Иван Григорьевич Кобяк Наумов, а Михаил, погребению которого принадлежала плита, — очевидно, его сын. Нанесение храмовданной надписи на плиту и тождество годов смерти Михаила и возведения храма свидетельствовало о связи строительства со смертью дьяческого сына, возможно, трагической. К сожалению, эта плита не была сфотографирована. При повторном посещении памятника 15 октября 1986 г. В.В. Кавельмахер нашёл доску с храмовданной надписью уже разбитой вандалами. Дальнейшая судьба обломков нам неизвестна.

¹ Там же.

² ЦГА Москвы, ф. 54, оп. 139, д. 6, л. 98.

³ *Вайнтрауб Л.Р.* Церковь Благовещения Пресвятыя Богородицы в селце Сипягине, древней вотчине Наумовых, XVII—XX вв. Историческая записка. Архив НИИПИ «Генерального плана Москвы» http://studopedia.ru/11_150362_XVII-XX-vv.html

⁴ *Кавельмахер В.В.* Памятник архитектуры начала XVI века — церковь Благовещения в деревне Сипягино Подольского района Московской области. Скомпоновано С.В. Заграевским из рукописей В.В. Кавельмахера 1988—1989 гг. http://kawelmacher.ru/science_kawelmacher40.htm



Рис. 18. Часовня святителя Николая в д. Пудово-Сипягино и надгробие XVI в., вмурованное в стену часовни. Фото В.В. Кавельмахера

Текст на второй плите, донныне сохранившейся в стене (рис. 18), был прочитан исследователем следующим образом: «лета 1547 сент /.../ преставис раб бжй Алексей Иванович Кобяков Наумов», т. е. эта плита принадлежала погребению другого сына строителя церкви. На фотографии В.В. Кавельмахера, помещенной в интернет-публикации, эта плита совершенно целая. На фотографиях же А.В. Яганова, сделанных около 1987-89 гг., заметно, что от плиты был отколот кусок со стороны междунишевой перегородки — очевидно, оттого, что вандалы пытались выломать из стены и эту плиту. В таком же виде, т.е. без дополнительных утрат, плита сохранилась до наших дней.

О каменном кресте В.В. Кавельмахер сообщает следующее: «Между плитами до недавнего времени находился вложенный в кладку каменный орнаментированный крест с голубцом, предположительно датируемый временем не позднее начала XVI в. Незадолго до нашего приезда (первого приезда — А.А., С.К.) крест был разбит на мелкие осколки хулиганствующими подростками»¹. Таким образом, исследователь никогда не видел крест ни вмонтированным, ни целым; он имел дело лишь с отдельными обломками — теми самыми, которые были сфотографированы А.В. Ягановым. Если крест действительно находился между двумя плитами — в чем у нас нет оснований сомневаться — то очевидно, что вмонтирован был не целый памятник, а лишь его крупный осколок или несколько осколков, так как в ширине перегородки могла уместиться только верхняя лопасть с голубцом, но никак не перекладина креста. Что крест действительно был вмурованным в стену, доказывается наличием на нем поздней декоративной раскраски — того же характера, что и на сохранившейся в нише плите.

В 2012 г. внутри часовни были обнаружены зарытые обломки нескольких (не менее четырёх) надгробных плит XVI в. К одному плитчатому надгробию относятся два состыкующихся больших фрагмента, в т. ч. фрагмент с полностью уцелевшим текстом эпитафии (рис. 19). Этот текст нам удалось прочитать:

«Лета 7029 го //
августа въ 1 день уььена бысть варьва //
ра борисова доч товарькова а ильина жена //
григорьева сна наумова от цря от маа //
хмета от али(?)ь гиреева сна //
крымьского //
цря»

¹ Там же.



Рис. 19. Надгробие 1521 г. Варвары Борисовны Наумовой из д. Пудово-Сипягино

Август 7029 г. соответствует в современном летоисчислении 1521 г. Как явствует из сообщения в упомянутой статье А.В. Яганова¹, эта плита была известна В.В. Кавельмахеру, который ее описал и сфотографировал². Ее обнаружили при земляных работах вне часовни, за алтарём древней Благовещенской церкви. Там же были

¹ Яганов А.В. По поводу происхождения памятного креста по стряпчему С.М. Пустошкину // Вопросы эпиграфики. М., 2011. Вып. 5. С. 362—369.

² Эти материалы по просьбе одного из авторов (С.В. Кузьменко) отыскал в архиве В.В. Кавельмахера его сын С.В. Заграевский, активно продвигающий творческое наследие отца. См. публикацию: Кавельмахер В.В. Памятник архитектуры начала XVI века — церковь Благовещения в деревне Сипягино...

найлены крупные осколки еще двух плит XVI в., запечатленные на фотографии В. В. Кавельмахера, — одной без надписи, а другой с незаконченной эпитафией. Все эти плиты в целях сохранения были закопаны исследователем внутри часовни, где две из них (В.Б. Наумовой, хотя и не во всём объеме, зафиксированном на фото 1988 г., и без эпитафии) и были найдены в недавнее время. Что касается самих остатков древней церкви, частично раскопанных в 1985—1988 гг., то их анализ позволил В.В. Кавельмахеру отнести сооружение здания к началу XVI в., подкрепив тем самым дату, указанную в храмовой надписи на надгробии. Обнаруженные фрагменты декора дали основание исследователю утверждать, что убранство фасадов храма было богатым и изысканным — он был едва ли не самым нарядным среди всех известных на данный момент вотчинных церквей конца XV — первой половины XVI в.

Приступим, наконец, к описанию обломков креста (рис. 17). Абсолютный их размер нам не известен, однако благодаря тому, что А.В. Яганов снимал фотографии со штатива, изображения обломков имеют одинаковый масштаб, и их легко сопоставлять друг с другом.

Фрагмент ПС-1 включает в себя верхнюю часть лопасти и навершие. Навершие представляет собою венчающую короткую перекладину, верхняя сторона которой решена в виде пары пологих вогнутых скатов. Фрагмент имеет невысокий бортик. Если не считать непреднамеренно получившейся разницы (например, разницы в ширине между правым и левым бортиком лопасти), ширина бортика везде одинакова. Бортики лопасти покрыты орнаментом в виде ленты «крестчатых квадратов». Орнамент бортика навершия — два противопоставленных ряда мелких равнобедренных треугольников. Существенно, что треугольники эти вытянутые, и орнаментальная лента, образованная ими, довольно широкая. Во внутреннем поле фрагмента находится обрванное изображение четырёхконечного креста, на котором вырезаны «крестчатые квадраты» несколько меньшего размера, чем «крестчатые квадраты» бортика. Верхняя и боковые ветви изображённого креста состоят из двух «крестчатых квадратов»; от нижней ветви на обломке уцелело 5 таких квадратов. В высоту крест распространяется до самой вершины внутреннего поля. Обрванное изображение креста сопровождается прорезным орнаментом в поле — одинарным рядом равнобедренных треугольников (таких же, как в бортике навершия, только мельче). Четыре отдельные ленты этого орнамента размещены таким образом, что они все вместе визуальнo воспринимаются как П-образная фигура, располо-

женная «позади» фигуры креста. Монограмм в поле фрагмента нет. На обломке заметны следы покраски бортиков лопасти, обронного изображения креста и ленты из мелких треугольников (лента была закрашена сплошной полосой).

Фрагмент **ПС-2** композиционно увязывается с фрагментом **ПС-1**. На фрагменте сохранился вертикальный участок бортика и остаток обронного изображения в поле, составленный из трёх «крестчатых квадратов» (читаются два, третий повреждён), расположенных друг над другом вдоль бортика. Этот остаток трактуется как правая стойка горки-Голгофы фигуры креста на фрагменте **ПС-1**. Размер «крестчатых квадратов» в обронных изображениях фрагментов №№ 1 и 2 совпадает. Бортик фрагмента **ПС-2** несколько шире, чем правый бортик лопасти фрагмента **ПС-1**, однако в самом верху бортика обломка №2 заметен изгиб внутреннего края бортика, свидетельствующий о его сужении. Ширину бортика фрагмента **ПС-2** следует признать «нормальной» для изделия — она соответствует ширине левого бортика лопасти на фрагменте № 1. В нижней части обломка заметен поворот внутреннего края бортика на 90°. Горизонтальная граница — либо край выступающей разделительной полосы между частями одного изделия, либо указание на близкое к границе нижнее завершение изделия. На фрагменте **ПС-2**, так же, как на фрагменте **ПС-1**, бортик и обронное изображение несут следы покраски. На фрагменте **ПС-3** имеется участок бортика такой же ширины, как левый бортик лопасти фрагмента № 1. На этом участке читается один «крестчатый квадрат». В поле фрагмента частично уцелела композиция, уверенно реконструирующаяся как обронная фигура креста-кросслета, помещённая внутри обронного же кольца. Ветви креста — плоские ленты, на которых были процарапаны срединные линии. Насколько можно судить по фотографии, пересечение главных ветвей креста-кросслета выполнено таким образом, что одна ветвь расположена «над» другой. Кольцо, окружающее крест, вплотную приближается к бортику. Расстояние между центром креста-кросслета и внешним краем бортика практически такое же, как полуширина лопасти фрагмента **ПС-1**, что делает принадлежность фрагментов №№ 1 и 3 одному изделию высоко вероятной.

На фрагменте **ПС-4** также имеется участок бортика, ширина которого соответствует ширине левого бортика лопасти фрагмента № 1. На этом участке хорошо заметны два «крестчатых квадрата». На фрагменте читается край ещё одного бортика (или разгранки), перпендикулярный внутреннему краю бортика, сохранившегося во всю ширину. Внутреннее поле фрагмента заполнено частично уцелевшей,

не поддающейся точному прочтению обронной композицией из переплетающихся уплощённых ветвей. Центр или узел композиции — четырёхлепестковая миниатюрная розетка. Расстояние от центра розетки до внешнего края сохранившегося бортика несколько превышает полуширину лопасти фрагмента **ПС-1**, однако эта разница такова, что при допущении поля такой же ширины, как в лопасти фрагмента № 1, композиция была бы резко асимметричной (со слишком сжатым или вовсе иным рисунком на стороне, противоположной стороне сохранившегося бортика). Поэтому ширину той части изделия, к которой относился фрагмент № 4, приходится допускать большей, чем лопасть фрагмента № 1. Единственной более или менее близкой аналогией композиции на фрагменте № 4 является композиция на фрагменте № 3 с Верхнего посада Звенигорода, однако установление этой аналогии, важной как факт, ничего не даёт в плане реконструкции композиций и изделий, на которых они были вырезаны.

По мнению Л.А. Беляева, на фрагментах крестов из Рождественского погоста Звенигорода и из Пудово-Сипягино (рис. 20) сохранились части орнаментальных композиций, выполненных в рельефе и композиционно восходящих к мотиву арабеска, достаточно распространённому в зодчестве великого княжества Московского начиная с конца XV в. благодаря работе здесь итальянских мастеров, но известного и ранее, по крайней мере с первой четверти столетия, наряду с образцами более сложной растительной орнаментики, восходящей к памятникам Крыма и Малой Азии и ассоциируемой с «сельджукским» стилем¹. Примеры таких композиций были наглядны как в резьбе фризів церквей Успения на Городке и Рождества Богородицы в Звенигороде, так и в московских, в том числе подмосковных, храмах, построенных фряжскими зодчими. Отметим, что известна более поздняя группа надгробных памятников московского типа, в которых заметны восточные мотивы (это серия плит 1630—1640-х гг.²),

¹ Подробнее см.: *Беляев Л.А.* Исламский восток и формирование материальной культуры Московской Руси: о методических подходах к оценке // *Поволжская археология* №2 (16). Казань, 2016. С. 18–33; *Баталов А.Л.* «Арабский цветок»: к вопросу о генезисе декоративных мотивов в московской архитектуре XIV–XV вв. // *РА*. № 3. 2018. С. 153–163; начало сюжета о растительных мотивах в резьбе Московской Руси см.: *Баталов А.Л., Беляев Л.А.* Зодчество Москвы и Твери второй половины XIII — первой половины XIV века // *История русского искусства*. Т. 4. Искусство второй половины XIII — середины XIV века. М., 2019. С. 159–207.

² *Гиршберг В.Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв. Ч. I: Надписи XIV—XVI вв. // *Нумизматика и эпиграфика*. М., 1960. Т. I. С. 5—6; *Беляев Л.А.* Русское средневековое надгробие... с. 306—307, фото 34; *Кренке Н.А., Беляев Л.А.* Монастырский некрополь XVI—XVII веков. Пли-



Рис. 20. Фрагмент креста (ПС-4) из д. Пудово-Сипягино. Фото А.В. Яганова

и даже их массивное и квалифицированное применение (плита Г.А. Пальчикова из Казанского кремля¹); с середины XVII в. они станут широко применяться во всех формах резьбы по белому камню (в декоре палат, в оформлении памятников Архангельского собора Московского Кремля и др.). Таким образом, фрагменты резных композиций на крестах из Звенигорода и Сипягина – неожиданные и важные дополнения к истории связей искусства ранней Москвы как с исламским Востоком, так и с Европой эпохи Ренессанса, пусть и в опосредованной форме².

Фрагмент ПС-5 бесспорно указывает на то, что изделие, к которому он относился, было каменным крестом, ибо этот фрагмент является

ты из Зачатьевского монастыря // Русское средневековое надгробие XIII—XVII в. Материалы к своду. Вып. 1. М., 2006. С. 49, илл. 8; *Беляев Л.А., Топычканов А.В.* Надгробие Ф.А. Телятевской и другие плиты князей Голицыных XVI—XVII в. в Новодевичьем монастыре // Древняя Русь. № 2. 2020 (в печати).

¹ *Ситдигов А.Г., Шакиров З.Г.* Надписное надгробие XVII в. из раскопок Казанского кремля // *Archaeologia abrahamica*. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М., 2009. С. 385—394.

² *Беляев Л.А.* «Восточные влияния» или общеевропейский «ориентализм»? О методических подходах к характеристике исламских элементов в культуре средневековой Москвы // *Русь и Восток в IX—XVI веках*. М., 2010. С. 18—27.

остатком боковой лопасти. На краю одной из боковых сторон фрагмента имеется небольшой выступ, относившийся к месту отхождения лопасти от вертикального ствола, из чего следует, что длина обломка соответствует длине лопасти. Лопасть, очевидно, была короткой. Та боковая сторона, при которой имеется выступ, определяется как горизонтальная, а другая боковая сторона — как вертикальная. Бортик фрагмента № 5 несколько уже, чем левый бортик лопасти фрагмента № 1, однако «крестчатые квадраты» на фрагментах одинаковой ширины (ленты «крестчатых квадратов» занимают не всю ширину бортиков, а несколько отступают от их боковых краёв. На фрагменте № 5 этот отступ минимален). На то, что боковая лопасть была короткой, указывает также сжатие «крестчатых квадратов» до прямоугольников на бортике при горизонтальной стороне; на этой стороне различимы четыре единицы орнамента. На фрагменте замечен остаток обронного изображения во внутреннем поле. Возможно, этот остаток относился к той же композиции, что и изображение в поле фрагмента **ПС-4**.

Все рассмотренные фрагменты сходны небольшим выступом бортиков и обронных изображений; бортики на фрагментах проявляют такое сходство (в их ширине, в манере исполнения «крестчатых квадратов» на них, в отступе «крестчатых квадратов» от краёв бортиков), какое возможно лишь для частей одного изделия или, по крайней мере, для изделий одного мастера. Между тем, версия о принадлежности фрагментов одному изделию сопряжена с непреодолимыми трудностями реконструкции облика такого памятника — ввиду отсутствия достаточно целых аналогов и разрозненности самих обломков, которая не позволяет композиционно увязать фрагменты друг с другом, за исключением лишь фрагментов **ПС-1** и **ПС-2**. Допущение тесной связи фрагментов №№ 1 и 2 приводит к выводу о довольно массивной верхней лопасти, которую сложно представить в сочетании с короткими боковыми ветвями. Фрагмент № 3, с крестом-кросслетом, из-за наличия участка бокового края не мог относиться к средокрестью — наиболее подходящему месту для такого изображения. Это обстоятельство, впрочем, затрудняет трактовку фрагмента № 3 независимо от того, рассматриваем ли мы его совместно с другими фрагментами или индивидуально (для похожих фрагментов из д. Кузьмодемьянка мы допустили возможность стеловидного характера тех надгробий, которым они принадлежали). Таким образом, сипягинские находки до открытия полнее сохранившихся аналогов будут оставаться загадкой.

Вне всякого сомнения, надгробие или надгробия, к которым относились рассмотренные обломки, были установлены над захороне-



Рис. 21. Фрагмент креста из раскопок церкви Троицы в Старых Полях (Москва (ТСП-23))

нием (захоронениями) вотчинников-владельцев села Сипягина или членов их семей.

Следует отметить, что П.Н. Петров относил Кобяковых и Наумовых к известным родам *новгородского* происхождения, представители которых занимали видное положение при московских князьях¹.

11. Москва, некрополь церкви Троицы в Старых Полях

ТСП-23. Рис. 21. Фрагмент каменного креста происходит из материалов раскопок фундамента и некрополя церкви Троицы в Старых Полях².

¹ Петров П.Н. История родов русского дворянства. СПб., 1885. С. 3—4.

² Векслер А.Г. Исследования в Китай-городе в 1999 г. в г. Москве. Отчет об охранных археологических раскопках церкви Св. Троицы с Старых Полях (Третьяковский проезд, д. 1, 2). М., 1999. Архив ИА РАН. Р-1. Ф.1. №№ 22456—22461; Беркович В.А., Егоров К.А. Московское белокаменное надгробие. Каталог. М., 2017. С. 38—39.

Первое упоминание о деревянной Троицкой церкви относится к 1493 г. В 1566 г. на её месте была построена новая каменная церковь, которая с тех пор неоднократно подвергалась перестройкам и добавлениям. Наиболее крупная перестройка, при которой здание приобрело ампирный облик, относится к 1831—1834 гг. В 1934 г. храм был снесён. Раскопки на его месте проведены ЦАИ г. Москвы под руководством А.Г. Векслера в 1998—2000 гг.

Фрагмент креста включает: полностью сохранившуюся левую боковую лопасть, часть средокрестья и небольшую часть нижней лопасти. Размеры обломка 21х22,5 см. Длина лопасти 8,5 см. Толщина 10 см (Беркович, Егоров, 2017. С. 38—39) Крест имел широкий бортик, на котором были вырезаны чёткие «крестчатые квадраты». Уникальная особенность креста — имитация витого жгута, уложенного вдоль границы поля и бортика. То, что сохранившаяся лопасть была боковой, следует из наблюдения, что параллельные участки бортика при этой лопасти имели разную длину (заметно по соотношению внутренних краёв этих участков). На гладком фоне внутреннего поля выделялось обронное изображение креста-кросслета, расположенное в средокрестьи и частично распространявшееся в поля лопастей. От изображения креста-кросслета уцелели две главные ветви с дополнительными ветвями. Все эти ветви пропорционально узки, срединных полос не имеют. Предполагая, что главные ветви креста-кросслета размещались по срединным линиям лопастей (что подтверждается полностью сохранившейся боковой лопастью), легко прийти к заключению, что нижняя лопасть была существенно шире, чем боковая перекладина. Ширина нижней лопасти в месте примыкания к средокрестью оценивается в 24 см. Ширина целого каменного креста оценивается в 46 см (удвоенное расстояние от торца боковой лопасти до средокрестья креста-кросслета).

12. Москва, Зачатьевский монастырь

Зм-1. Рис. 22. Фрагмент креста из материалов широкомасштабных раскопок (2003—2010 гг.) внутренней территории монастыря под руководством Л.А. Беляева¹. В настоящее время фрагмент экспонируется в церковно-археологическом музее Зачатьевского монастыря. Зачатьевская Алексеевская обитель на месте современного

¹ Сердечно благодарим Л.А. Беляева за любезно предоставленную возможность опубликовать данный памятник.



Рис. 22. Фрагмент креста из раскопок в Зачатьевском монастыре (г. Москва (Зм-1)). Фото Л.А. Беляева. Внизу: вариант реконструкции завершения верхней лопасти креста

монастыря была основана в третьей четверти XIV в. Некрополь монастыря, изученный археологически, относится ко второй половине XIV—XVIII вв. Фрагмент креста найден поблизости от фундаментов трапезной XVI в., к востоку-северо-востоку от неё. Особо следует подчеркнуть, что за всё время раскопок в монастыре (изучено более 800 погребений; найдено свыше 100 надгробий, преимущественно плитчатых) встретился лишь один фрагмент каменного креста, что свидетельствует о редкости этого вида памятников на городских монастырских некрополях раннемосковского времени.

Благодаря очевидной аналогии описываемого фрагмента с фрагментом **ПС-1** из д. Пудово-Сипягино можно уверенно говорить о фрагменте как об остатке вертикальной лопасти и её навершия. Из лицевой поверхности изделия на фрагменте сохранился участок правого бортика лопасти и часть внутреннего поля, топографически относящаяся к центру навершия и к лопасти (в основном, к её правой половине). Основание правого «выступа» («плечика») навершия сохранилось на обломке со сколотой лицевой поверхностью. Уцелел прямой угол, образованный нижней поверхностью «выступа» навершия и боковой поверхностью лопасти. На бортике вырезан орнамент в виде ленты «крестчатых квадратов», края которой отступают от краёв бортика (аналогично бортикам на сипягинских обломках). Вверху внутреннего края бортика заметен прямой угол, маркирующий переход бортика с лопасти на боковой «выступ» навершия. По соотношению вершины этого угла с нижней гранью «выступа» навершия отчётливо видно, что нижний горизонтальный бортик «выступа» навершия был гораздо уже, чем бортик лопасти. Таким узким бортик мог быть или во всём навершии, или только в нижних горизонтальных участках (имеются примеры и той, и другой ситуации — соответственно густомесовский крест (**Г-1**) и фрагмент № 10 из д. Кузьмодемьянки (**КД-10**)). Орнаментальная лента узкого горизонтального бортика распространялась над торцом ленты «крестчатых квадратов» бортика лопасти.

На фрагменте сохранилась часть обронного изображения четырёхконечного креста, ветви которого имели очертания прямоугольных полос. Соотношение ширины ветвей креста с шириной бортика лопасти на описываемом фрагменте примерно такое же, как соответствующее соотношение на сипягинском фрагменте **ПС-1**.

На изображении креста вырезан орнамент, представляющий собою мастерски выполненную имитацию переплетённых узких полос — только не тесно сомкнутых, а разреженных. Каждая полоса ложного плетения снабжена «желобком» по центральной продольной линии,

что способствует убедительности имитации. Ориентация рисунка плетёнки косая. Орнамент был нанесён на боковые ветви креста более экономно, чем на мачту: если последнюю «плетёнка» покрывает сплошь, то на боковых ветвях орнамент был вырезан с небольшим отступом от краёв перекладины. Описанный приём орнаментации не встречен ни на одном другом известном нам каменном кресте; для надгробных плит он не известен вообще.

В поле имеется врезной орнамент — ряд одинаково ориентированных мелких равнобедренных треугольников, параллельный мачте изображения креста и бортику лопасти. Этот ряд «перебивается» боковой ветвью креста. Видна предварительная разметка — линия графы, на которой основаниями расположены треугольники. Общая композиция, в состав которой входил ряд треугольников, реконструируется благодаря аналогу — сипягинскому фрагменту **ПС-1**. Отметим, что на обоих фрагментах линия оснований вертикального ряда треугольников отстоит от мачты креста на расстояние её ширины, однако на зачатьевском фрагменте треугольники ориентированы вершинами в сторону бортика, а на сипягинском — в сторону изображения креста.

Полная ширина лопасти зачатьевского изделия оценивается в 19 см.

Если условно принять ширину бортика с «крестчатыми квадратами» на зачатьевском фрагменте и сипягинском фрагменте **ПС-1** одинаковой, то лопасть зачатьевского изделия, очевидно, характеризуется как более узкая. Из того же, что на зачатьевском фрагменте перекладина фигуры креста расположена выше, чем на сипягинском фрагменте, следует большая высота навершия или, по крайней мере, больший размер внутреннего поля навершия (из-за узкого бортика) зачатьевского изделия.

13. Москва, Кадаши. Лапидарий при храме Воскресения Христова

Фрагменты двух крестов (рис. 23) опубликованы и описаны К.А. Егоровым в каталоге «Белокаменные надгробия храма Воскресения Христова в Кадашах»¹ под номерами ВК-58 и ВК-61.

¹ Егоров К.А. Белокаменные надгробия храма Воскресения Христова в Кадашах (каталог). М., 2015. С. 71, 74—75.

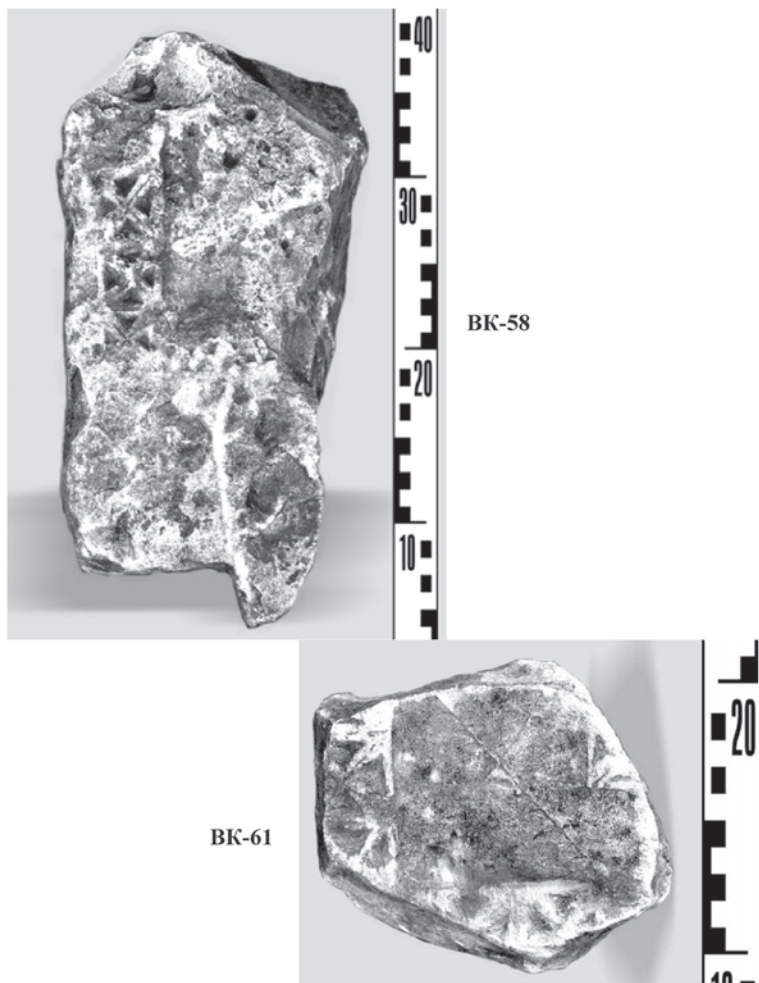


Рис. 23. Фрагменты крестов из лапидария при храме Воскресения Христова в Кадашах (г. Москва (BK-58, BK-61)). Фото К.А. Егорова



Рис. 24. Фрагмент креста из Старицкого краеведческого музея (г. Старица Тверская обл. (Ст-1))

14. Тверская область, г. Старица. Краеведческий музей

СТ-1. Рис. 24. Фрагмент белокаменного креста, экспонирующийся в Старицком краеведческом музее (филиал ТГОМ), по-видимому, датируется тем же периодом времени, что и рассмотренные нами кресты, несущие «московский» тип орнамента. В качестве пока единственного образца геометрически декорированного креста, происходящего из Тверских земель, мы сочли необходимым включить старицкий фрагмент в наш обзор.

Информация о происхождении фрагмента утеряна. Научный сотрудник Старицкого музея С.С. Кутаков допускает, что предмет может происходить из раскопок 1979 г. Старицкого Борисоглебского собора.

Фрагмент представляет собою, очевидно, верхнюю лопасть, сохранившуюся с многочисленными повреждениями. Размер обломка: высота 32,5 см, ширина 38 см, толщина 23 см. Лопасть была прямоугольной формы. Несмотря на повреждения, рисунок лопасти восстанавливается практически полностью. Все его элементы вырезаны на плоской поверхности; выступающих бортиков и обронных изображений нет. По внешнему краю лопасть была оконтурена лентой из вытянутых

равнобедренных треугольников (вытянутых поперёк направления ленты), размещённых с чередованием ориентации. Внутреннее поле было заполнено двумя рядами киотообразных фигур — трёх больших в верхнем ряду и пяти малых в нижнем. Для каждого ряда процарапана горизонтальная линия графы, на которой и были размещены контурные изображения. За исключением прямых оснований, прочерченных по упомянутой графье, сами фигуры вырезаны довольно небрежно. Внутри каждой из трёх больших киотчатых арок с килевидным завершением вырезан четырёхконечный крест (контуром) на П-образной Голгофе. Такое изображение креста, и то не полностью из-за скола, сохранился лишь внутри левого большого «киота»; изображения крестов внутри двух других больших фигур были целенаправленно стёсаны теслом. Ниже графы, на которой был размещён ряд малых фигур, сохранилась горизонтальная борозда — очевидно, разгранка между полем верхней лопасти и средокрестьем. Ещё ниже — остатки трёх фигур, по-видимому, орнаментального характера.

ОСОБЕННОСТИ МОСКОВСКИХ КАМЕННЫХ КРЕСТОВ, ПРОБЛЕМЫ ИХ АТТРИБУЦИИ И ДАТИРОВКИ

В наш каталог были включены не только целые памятники и фрагменты, принадлежность которых крестам не вызывает сомнений, но и такие обломки, по которым сложно уверенно судить о характере целых изделий — однако эти изделия, по крайней мере, были вертикальными надгробиями. В аннотациях каталога мы высказали свои соображения относительно трактовки «спорных» фрагментов, подтвердить или опровергнуть которые смогут только новые находки. Корпус «несомненных» каменных крестов с «московским» типом орнамента включает в настоящее время 12 памятников. Ещё 3 памятника (фрагменты из деревни Пудово-Сипягино, зачатьевский фрагмент (**Зм-1**), фрагмент № 2 с Рождественского погоста Звенигорода (**ЗРП-26**)) по-видимому, также были каменными крестами, но необычной формы, представить которую мы пока не можем. К «спорным» образцам относятся 7 фрагментов из д. Кузьмодемьянки (принадлежавшие 6 разным изделиям) и фрагмент из д. Ямищево (**Ям-1**). Итого, общий счёт орнаментированных в едином «московском» стиле вертикальных надгробий крестового или иного (гипотетически) характера — 22 памятника. Наряду с ними, на той же территории встречены неорнаментированные белокаменные кресты (нам известно о 4-х экз.), составляющие с орнаментированными единую общность надгробных памятников.

Преобладающая форма крестов — четырёхконечная. К более редким вариантам относятся кресты с объёмным навершием и кресты с двумя перекладинами. Последний вариант достоверно известен только по одному целиком сохранившемуся образцу (можайский крест), у которого дополнительная перекладина занимает нижнее положение. Образец № 2 из с. Кременского может реконструироваться как крест с двумя перекладинами, дополнительная из которых занимает верхнее положение.

Размерные характеристики памятников невелики. Пожалуй, наиболее массивный четырёхконечный образец — крест с Рождественского погоста Звенигорода — достигал в высоту примерно 62 см. Немногим больше высота можайского креста, обладающего двумя перекладинами, — 67 см. Нормальная же высота крестов оценивается в 40—50 см. (Все указанные здесь значения для высоты — без учёта пяточного шипа). В отношении ширины крестов мы распола-



Рис. 25. Нижняя часть креста из часовни в дер. Орлец близ с. Густомесово (Г-1)

гаем рядом непосредственно измеренных или надёжно реконструируемых значений, которые находятся в пределах 31—51 см. Ширина боковых лопастей¹ — судя по тем случаям, когда её можно было измерить — не превышает 20 см. Толщина образцов (включая «спорные» фрагменты) варьирует от 6 до 15 см. Это соответствует толщине плит XIV—XV вв. вплоть до 1-й половины XVI в., варьирующей от 8 до 16 см (обобщено на основании примеров из каталога в монографии Л.А. Беляева 1996 г.²).

Неорнаментированные кресты, скорее всего, представляют собою не столько ранние, сколько наиболее доступные для заказчиков образцы намогильных памятников. Они имеют плоские лицевые поверхности. В дальнейшем будем говорить только об орнаментированных образцах, используя для таких крестов условное понятие — кресты с «московским» типом орнамента, или, проще, московские кресты. Отдельные замечания сделаны для «спорных» фрагментов.

Обобщим предварительно наблюдения над оформлением этих памятников.

Характерная черта московских крестов — наличие более или менее широкого бортика (единственное на данный момент исключение — крест из д. Рогачёво). Бортики обязательно покрыты геометрическим рисунком (рис. 25). Типичный вид орнаментации бортика — лента

¹ Имеется в виду вертикальное измерение.

² Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие: Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII—XVII вв. М., 1996.

«крестчатых квадратов», которая может в отдельных местах (в на-
вершии, но не только) заменяться двумя рядами мелких противо-
поставленных треугольников («змейкой»). На четырёх «спорных»
фрагментах из д. Кузьмодемьянки узор из мелких треугольников —
единственный вид орнамента бортика, что следует трактовать как
локальную особенность.

Другая характерная черта обсуждаемых памятников — обронные
изображения крестов. По-видимому, имела место установка, что
изображения крестов должны быть выступающими. Эта установка
не соблюдена лишь для двух небрежно выполненных образцов, у
которых во внутреннем поле вместо обронных применены врезные
изображения. Чаще всего изображение креста одно, высеченное
в средокрестии. Имеются примеры с двумя или несколькими кре-
стами. Из других элементов декора оброном может быть вырезано
только плоское кольцо, окружающее изображение креста в средо-
крестии (обронное кольцо, окружающее обронный крест, присут-
ствует также на «спорном» фрагменте **КД-17** из Кузьмодемьянки и
фрагменте **ПС-3** из Сипягина), а в специфических образцах расти-
тельные орнаменты (на фрагментах **ЗРП-26** из Звенигорода и **ПС-4**
из Сипягина).

Мастера пользовались двумя вариантами создания обронных изо-
бражений. В первом варианте они высекали обронное изображение
в рамках единого технологического этапа с выборкой внутреннего
поля. В результате получалась фигура, выступающие над плоско-
стью поля. Во втором варианте мастера сначала создавали ровное
внутреннее поле, а затем вырезали специальное круглое клеймо,
вмещающее обронную фигуру, или даже несколько клейм. Соответ-
ственно, фон в клейме понижен по отношению к плоскости поля, и
обронная фигура возвышается над плоскостью фона клейма, но не
плоскости поля. Такое же клеймо с обронной фигурой мы видим на
кресте из д. Рогачёво, не имеющем бортика, из-за чего клеймо было
неизбежным для создания обронного изображения. Однако для кре-
стов с бортиком фоном для обронной работы чаще всего выступало
всё внутреннее поле. Использование же специальных клейм можно
объяснить тем, что резчики в некоторых случаях могли получать для
работы заготовки, уже имевшие бортник. Но не исключено также, что
клейма изначально были сознательным способом акцентировки за-
ключённых внутри них фигур.

Изображения крестов представлены тремя типологическими ва-
риантами: крест-кросслет, равносторонний четырёхконечный крест,
неравносторонний четырёхконечный крест на Голгофе. Оба вариан-

та четырёхконечных крестов представлены, за одним исключением, фигурами, набранными «крестчатыми квадратами». Такая «модульность» жёстко задавала и пропорции фигур, и самый их вид. Среди крестов-кросслетов только в двух схожих случаях изображение было создано «модульным» способом («спорные» осколки **КД-8**, **КД-25** и **КД-17** из д. Кузьмодемьянки). В остальных случаях резчики варьировали пропорции и сам облик креста-кросслета. Всего мы имеем 8 примеров памятников с крестами-кросслетами.

Врезные орнаменты могли наноситься и на обронные изображения, и на внутреннее поле изделия. Про использование «крестчатых квадратов» на обронных изображениях крестов уже было сказано выше. Инерция этого приёма распространялась и на те редкие случаи, когда во внутреннем поле не было обронных фигур. Так, в средокрестии образца из Звенигородского музея имеется врезанное изображение четырёхконечного креста, составленное из пяти «крестчатых квадратов». Кроме «крестчатых квадратов», другие орнаменты на обронных изображениях крестов не применялись. Исключением является лишь «плетёнка», вырезанная на фигуре креста на фрагменте из Зачатьевского монастыря. Изображения крестов-кросслетов на некоторых памятниках обработаны неорнаментальным приёмом — прорезанными или процарапанными срединными бороздами.

В обоих случаях применения плоского обронного кольца, окружающего изображение креста в средокрестии, это кольцо несёт орнамент из крупных равносторонних треугольников, скомпонованных в ленту путём чередования их ориентации.

Из прорезных орнаментов внутреннего поля чаще всего применяется ряд мелких равнобедренных треугольников, «посаженных» основаниями на прямую линию графы (8 примеров, вместе со «спорными»).

Надписи-монограммы не были обязательным элементом оформления московских крестов. На данный момент мы располагаем всего пятью примерами с процарапанными монограммами, два из которых происходят из д. Кузьмодемьянки.

Почти все орнаменты, которые мы встретили в декоре рассматриваемых памятников, входят в репертуар орнаментики «московских» плит, отчего, собственно, мы и говорим о крестах с «московским» типом орнамента. Плиты, будучи хорошо датированным массовым материалом, дают нам ориентир для датировки крестов, ибо орнаменты, о которых идёт речь, применялись на плитах ограниченное время.



Рис. 26а. Крестчатый декор на крышке саркофага митрополита Фотия (Успенский собор Московского Кремля). Фото Н.С. Шеляпиной



Рис. 26б. Крестчатый рисунок на внешней стене средней апсиды Звенигородского Успенского собора. Начало XV в.

Конкретные способы применения того или иного орнамента, естественно, различны между горизонтальными и вертикальными памятниками. В наибольшей мере это касается важнейшего для московских крестов элемента декора — «крестчатых квадратов». Для рассматриваемых крестов этот орнамент является не менее характерным признаком, чем бортик и обронные фигуры. «Крестчатые квадраты» обязательно присутствуют на бортике и (или) на изображениях крестов во внутреннем поле (исключение — образец из д. Рогачёво). На плитах же «крестчатые квадраты» в принципе не использовались в бордюрах, за единственным известным нам исключением фрагмента плиты второй половины XVI в. из Троице-Сергиева монастыря¹. Фрагмент представляет собою примерно половину плиты со стороны изножия. Примечательно, что поле внутри рамки лишено какого бы то ни было заполнения, что крайне необычно для плит. Область эпизодического применения «крестчатых квадратов» на плитах: заполнения клейм, лента вдоль изголовья, «пояс», соединительные косые ленты между верхним клеймом и плечиками², — т.е., в основном, дополнительные изобразительные элементы, которыми резчики пытались индивидуализировать безэпитафийные надгробия на раннем этапе применения устойчивой антропоморфной композиции. Самые ранние плиты с «крестчатыми квадратами» — крышки саркофагов митрополитов Киприана и Фотия (рис. 26а)³, если верна датировка этих памятников временем кончины митрополитов (соответственно, 1406 г. и 1431 г.). Наибольшее количество примеров применения обсуждаемого рисунка на плитах приходится на последнюю четверть XV в. На протяжении XVI в. «крестчатые квадраты» ещё встречаются, но уже в качестве исключения⁴.

Интерес к орнаменту в XV—XVI вв. можно зафиксировать и вне сферы погребальных памятников. Так, «крестчатые квадраты» вырезаны на основании белокаменного подсвечника, найденного при раскопках церкви Бориса и Глеба в Кидекше в 2011 г.⁵ Большую

¹ Вишневский В.И. Орнамент белокаменных средневековых надгробий Троице-Сергиева монастыря: анализ и хронология // Археология Подмосквья. Материалы научного семинара. Вып. 9. М., 2013. С. 126. Рис. 1, 9.

² Беляев Л.А. Указ. соч. С. 144.

³ Шеляпина Н.С. Надгробия митрополитов Киприана и Фотия в Успенском соборе Московского кремля // СА. 1973. № 4. С. 227—235.

⁴ Беляев Л.А. Указ. соч. С. 144.

⁵ Вл.В. Седов. Раскопки в церкви Бориса и Глеба в Кидекше // 1150 лет российской государственности. Средневековая Русь в полевых исследованиях Института археологии РАН 2001—2011 г. М., 2012. С. 86. Интернет-публикация: <http://www.ras.ru/archaeology/ad0b1165-ec5-45fc-aa59-ba7f121eb6b0.aspx>



Рис. 27. Деревянные орнаментированные предметы X—XII вв. из раскопок в Новгороде. Собрание ФГБУК «Новгородский государственный объединённый музей-заповедник»

близость к этому подсвечнику обнаруживает «кусочек белокаменной колонки XVI в.», происходящий из Борисоглебского собора г. Тутаева и хранившийся в ростовском музее Белой палаты¹. Обсуждаемый орнамент присутствует также на белокаменных архитектурных деталях, обоснованно атрибутированных исследователями как детали аркатурно-колончатого пояса Успенского собора рубежа XV—XVI вв. в Ярославле². «Крестчатый квадрат», вырезанный в качестве граффити уверенной рукой, был обнаружен на апсиде Успенского собора

¹ Соболев Н.Н. Русская народная резьба по дереву. М.-Л., 1934. С. 43

² Яганов А.В., Энговатова А.В. Археологические находки белокаменного декора и их значение для реконструкции фасадов Ярославского Успенского собора рубежа XV—XVI вв. // КСИА. Вып. 236. М., 2014. С. 212—213.

в Звенигороде, на высоте 6 м (рис. 26б). Такое расположение знака предполагает, что он был нанесён непосредственно при строительстве собора, т.е. в конце XIV в. Эта дата весьма близка времени появления орнамента на плитах (начало XV в.).

Сам по себе этот орнамент, очевидно, происходит из мира деревянной резьбы. Древнейший сохранившийся русский предмет, на котором были вырезаны «крестчатые квадраты» — орнаментированная поделка X в. из раскопок Новгородской археологической экспедиции кафедры археологии МГУ на Троицком VI раскопе в 1983 г. (НГМ КП 33996/629 А-100/629. (рис. 27а)). Еще один древний деревянный артефакт из собрания Новгородского музея — двойная орнаментированная рукоять XI—XII вв. (НГМ КП 40530/658 А-144/658 (Номер в Госкаталоге: 9267923 (рис. 27б)). Следует указать и на дощечку-целу в составе т. н. Новгородской псалтири начала XI в., найденной на раскопках в Новгороде в 2000 г. (рис. 28)¹ Пока затрудняясь привести другие средневековые примеры, отметим, что «крестчатые квадраты» присутствуют на ряде предметов мебели и быта XVII—XIX вв. из старых коллекций музеев и этнографических сборов². Интересно, что способ использования крестчатого узора на некоторых предметах мебели — в качестве «рамочного» оформления — по смыслу близок к таковому у московских крестов. Можно привести также примеры фигур, набранных «крестчатыми квадратами» (набилки ткацкого стана 1876 г. из собрания ЗИАиХМ (рис. 29))³, что соответствует другому способу использования орнамента на крестах. Резчики каменных крестов могли заимствовать из мира деревянных изделий не только орнамент как таковой, но и способы его применения. Этим, по-видимому, и объясняется устойчивость применения «крестчатых квадратов» на московских крестах. На плоских же горизонтальных плитах условий для столь органичного применения орнамента не было, и его значение сводилось преимущественно к акцентировке тех дополнительных композиционных составляющих, которые им набирались. Коль скоро эти композиционные составляющие вышли из употребления, прекратили употребляться на плитах и «крестчатые квадраты».

¹ Зализняк А.А., Янин В.Л. Новгородская псалтырь начала XI века — древнейшая книга Руси. Вестник Российской Академии Наук, 2001. Том 71, № 3. С. 202—209; <http://novgorodmuseum.ru/images/wssgallery/df79dfe6ab0053c1ee442ba1550e1ebf.jpg>

² Бобринский А.А. Народные русские деревянные изделия. Предметы домашнего, хозяйственного и отчасти церковного обихода. М., 1910. Вып. I, III, X. Таб. 6, 34, 134.

³ Материалы этнографической экспедиции ЗИАиХМ в Кичменгско-Городецкий р-н Вологодской области под рук. А.В. Алексеева (2007 г.).



Рис. 28. Крестчатый рисунок на дощечке Новгородской псалтири нач. XI в.



Рис. 29. Крестчатый рисунок на набилках ткацкого стана XIX в. из Вологодской обл.

Если переносить на московские кресты выводы относительно сроков применения «крестчатых квадратов» на плитах, то кресты следует датировать расширенно — временем от начала XV в. до середины-третьей четверти XVI в. Наиболее вероятной нам представляется датировка, суженная до периода наибольшей востребованности «крестчатых квадратов» на плитах, т.е. до последней четверти XV в., и некоторого последующего времени, в пределах первой половины XVI в. Эту датировку поддерживают наблюдения над остальными орнаментами, отмеченными на московских крестах. Примеры применения одного из этих орнаментов — одинарного ряда мелких равнобедренных треугольников, «посаженных» основаниями на общую линию графы — среди плит очень редки, и относятся они к рубежу XV—XVI вв.¹, хотя имеется также пример начала XV в. (плита митрополита Киприана²). Другой из этих орнаментов — крупные равнобедренные треугольники, скомпонованные в ленты путём чередования их ориентации — среди плит встречается в качестве

¹ Беляев Л.А. Указ. соч. С. 296, Бм №13, Бм №14.

² Шеляпина Н.С. Указ. соч. С. 229—231. Рис. 3.



Рис. 30. Крест из Тарту (Эстония)*. Здесь и далее звездочкой отмечены фотографии, опубликованные на сайте «Регионавтика», созданном А.Л. Потравновым и Т.Ю. Хмельник

основного орнамента, т.е. одновременно в бордюрах, круглых и полукруглых клеймах, соединительных линиях между бордюром и центральным клеймом. Этот узор присущ наиболее древним московским плитам (XIII—XIV вв.), но встречается и позднее, вплоть до рубежа XV—XVI вв.¹ Орнамент из двух рядов противопоставленных треугольников (с образованием «змейки» между ними), напротив, наиболее характерен для плит конца XV — третьей четверти XVI в., хотя самые ранние примеры его применения относятся к началу—середине XV в.

Датировка одного из образцов московских крестов пятнадцатым веком предложена палеографическим анализом надписи-граффити, вырезанной на его боковой стороне², что не противоречит гипотезе, сформулированной на основании наблюдений за орнаментами.

Отдельно следует упомянуть о рисунке на фрагменте ПС-1 из д. Сипягино — двух рядах противопоставленных острых треуголь-

¹ Беляев Л.А. Указ. соч. С. 317—319, ВПм №3.

² Алексеев А.В. Указ. соч. С. 67.

ников в навершии изделия. Вытянутая форма треугольников придаёт орнаменту особое качество. Наибольшее сходство с рисунком на сипягинском фрагменте обнаруживают орнаменты на группе плит, датирующихся 30—50 гг. XVI в., например, Дм № 5, ВПм №№ 8 и 9, СУМ № 1¹. По-видимому, к тому же времени относится и изделие из Сипягина. Ввиду очевидной близости сипягинского фрагмента (ПС-1) с фрагментом из Зачатьевского монастыря, эта же датировка (30—50-е гг. XVI в.) распространяется и на зачатьевскую находку (Зм-1). Эти два образца, по нашему мнению, являются наиболее поздними среди всех рассматриваемых памятников.

Самая любопытная черта московских крестов — неоднократное применение в их оформлении крестов-кросслетов, довольно редких в русской иконографии. С.Е. Компанец, опубликовавший находки с погоста близ д. Рогачёво, весьма обстоятельно остановился на проблеме истолкования креста-кросслета на одном из найденных им памятников². К сожалению, на выводы исследователя решительно повлияло представление об уникальности креста с таким изображением. В настоящий же момент, когда мы имеем 8 примеров московских крестов и «спорных» надгробий с изображениями крестов-кросслетов, версия С. Компанца должна быть пересмотрена.

Суть этой версии выражается следующим образом. Изображения креста-кросслета отсутствуют «на византийских, западно- и восточноевропейских (включая Русь) иконах, в декоре церквей и на культовых предметах». Между тем, можно зафиксировать случаи использования обсуждаемого символа в западноевропейской геральдике, восходящие ко времени Крестовых походов и закрепившиеся к XV—XVI в. Отсюда автор приходит к заключению о «несомненно западноевропейском происхождении креста-кросслета», и о бытовании знака преимущественно в геральдической, а не церковно-эмблематической сфере. С такой установкой неизбежен вывод относительно креста из д. Рогачёво: «Каменный надгробный крест, несомненно, принадлежит иностранцу, выходцу из Западной Европы, о чём свидетельствует семантический анализ центральной композиции памятника — креста-кросслета, выступающего здесь более как геральдический знак, нежели мемориально-христианский». Из-за этого исследователь идёт даже на такую натяжку, как признание факта захоронения иноверца, хотя бы и владельца поместья, на православном погосте.

¹ Беляев Л.А. Указ. соч. С. 274, 321—322, 370.

² Компанец С.Е. Указ. соч. С. 225—252.

Смягчим эту натяжку, вообразив иностранца, принявшего православие. В таком случае его надгробное сооружение в целом должно было подчиняться представлениям и нормам, принятым на русском некрополе того времени.

Рассуждая последовательно, для принятия версии С.Е. Компанца необходимо допустить, что на родине гипотетического иностранца существовала традиция установки на могилах каменных крестов с геральдическими символами. Однако исследователь примеров подобной практики не привёл. Упомянутый им гранитный крест из Тиршница (Бавария) с небрежно вырезанным на нём небольшим крестом-кросслетом, очевидно, не был надгробным памятником. Однако мы можем указать пример каменного креста с бесспорно геральдическим изображением — это двухметровый гнейсовый крест, находящийся близ Яановской церкви в Тарту (Эстония)¹. В средокрестье памятника выбито изображение иерусалимского креста, заключённое в круге (рис. 30). Иерусалимский крест является символом рыцарского ордена Святого Гроба Господнего. Датироваться памятник может в пределах XIV—XVI вв. Хотя из-за размеров каменного креста также возникают сомнения в его предназначении как надгробного памятника, этот пример даёт нам основание внимательно отнестись к версии С. Компанца.

Так совпало, что С.Е. Компанцу встретился специфически оформленный образец московского креста — без бортика, с крупным клеймом, с резко выделяющимся благодаря 5-миллиметровой выборке фона изображением креста-кросслета, причём креста-кросслета именно той формы (пропорции, «силуэтное» решение), какая применялась в западноевропейской геральдике. У таких же образцов, как крест **ЗРП-25** с Звенигородского Рождественского погоста, Петелинский крест (**П-1**) изображение креста-кросслета масштабно скромнее, а в общей композиции изделия большая роль принадлежит декоративному оформлению, в том числе — «московским» орнаментам. На собранных к настоящему времени примерах кресты-кросслеты трактованы по-разному, что противоречит «геральдической» версии, ибо использование креста-кросслета в качестве геральдического знака, очевидно, должно предполагать его шаблонность. Ничего подобного крестам-кросслетам на Петелинском и Звенигородском крестах в европейской геральдике не встречается. Особенно показателен в этом отношении крест-кросслет на фрагментах **КД-8** и **КД-25**

¹ http://regionavtica.ru/gallery/details.php?image_id=2861 Здесь и далее использованы материалы, опубликованные на сайте «Регионавтика», созданном А.Л. Потравновым и Т. Ю. Хмельник (http://regionavtica.ru/stone_crosses/)

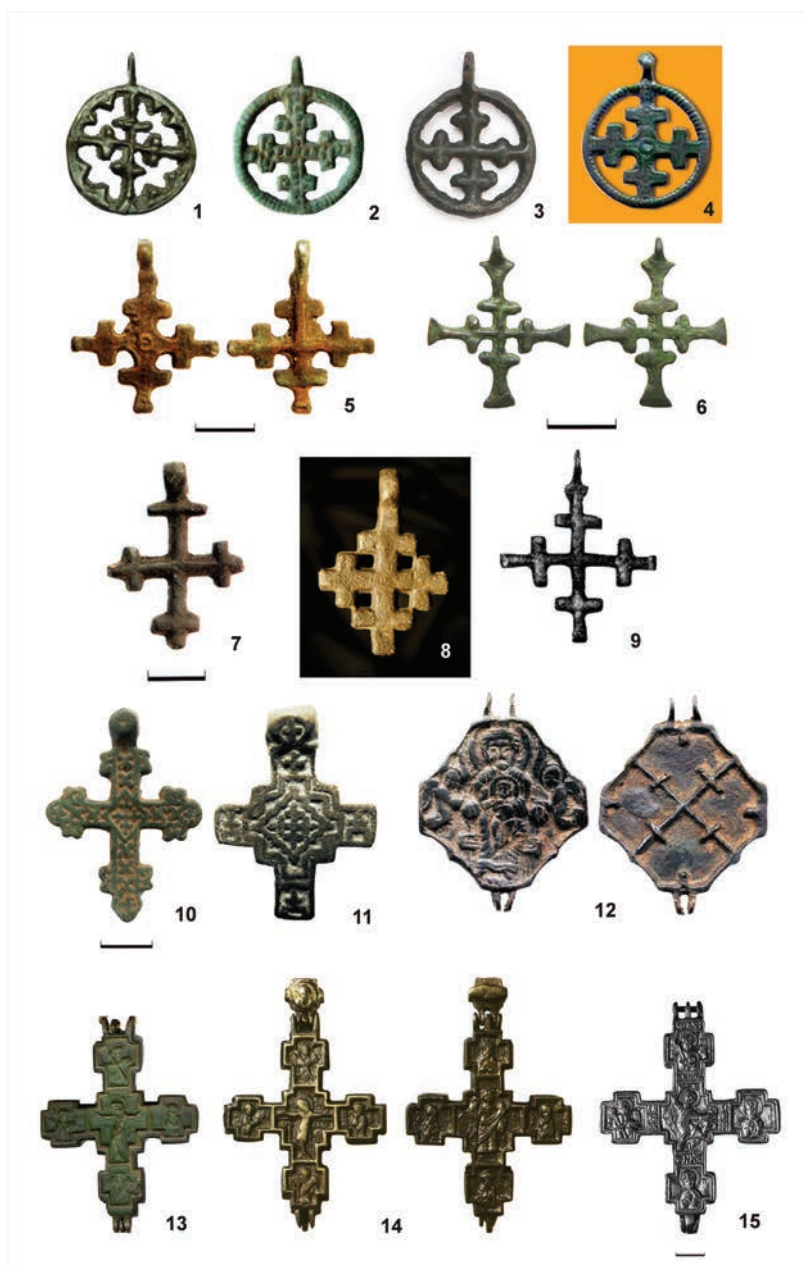


Рис. 31. Изображения креста-кросслета на образцах древнерусской и средневековой христианской металлопластики. Сводная таблица

из д. Кузьмодемьянки — декоративно разделанный, с «крестчатыми квадратами» на концах ветвей, т. е. трактованный резчиками совершенно вольно. Выделять же памятник из д. Рогачёво, с точки зрения смысла изображения в средокрестии, среди ряда других примеров с крестами-кросслетами мы не имеем никаких оснований. Тем более, что применение круглого клейма в качестве фона для обронной фигуры, на чём акцентировал внимание С.Е. Компанец («мемориальность подчеркнута крестом, вписанным в круг»), зафиксировано ещё для нескольких примеров: памятников из Петелино, Кременского, Кузьмодемьянки, Сипягино.

Вряд ли памятник над могилой иноземца превратился бы в объект почитания, как это стало с крестом **ЗРП-25** с Рождественского погоста, что зафиксировано в надписи-граффити на его боковой стороне.

Крест из с. Сипягино, на фрагменте которого имеется изображение креста-кросслета, по совокупности изложенных в описательном разделе данных, принадлежал захоронению представителя рода Кобяковых-Наумовых — самого вотчинника-владельца усадьбы или члена его семьи.

Справедливости ради специально отметим то обстоятельство, что ни одно изображение креста-кросслета на московских памятниках не сопровождается монограммами.

Не выдерживает критики тезис об исключительно «западноевропейском происхождении» креста-кросслета. Вообще, следует заметить, что сама незамысловатость этой фигуры предполагает возможность многократного её «изобретения» в разных культурах, что весьма затрудняет какие бы то ни было суждения о «заимствованиях». Крест-кросслет встречается в русской домонгольской металлопластике, для которой вообще характерно большое разнообразие форм креста.

Можно привести примеры крестов-кросслетов и в качестве компонента крестовключённых подвесок XII—XIII вв., и в качестве «свободных» фигур, т.е. нательных крестов XI—XII вв. Изображения таких находок приведены в сводной таблице на рис. 31. Здесь же присутствует нательный крест (рис. 31, б), концы 4-х главных ветвей которого точно так же расширяются, как на изображении креста-кросслета на памятнике с Рождественского погоста Звенигорода. Следует отметить, что нательные кресты-кросслеты не могут быть трактованы таким образом, как это делается в отношении западноевропейских крестов-кросслетов, т.е. с миссионерским оттенком: как составное изображение из четырёх крестов, ориентированных



Рис. 32. Книжная миниатюра и хачкар в монастыре Ахпат (Армения) с изображениями крестов, имеющих дополнительные перекладыны

по сторонам света. Нательные кресты-кросслеты со смысловой точки зрения эквиваленты одному кресту-Распятию. Конкретная форма крестов, возможно, определялась соображениями декоративности, допустимостью вариаций при господстве принципа Фёдора Студита: «крест всякой формы есть истинный крест». Однако пример скульптурно декорированного хачкара в армянском монастыре Ахпат показывает, что форма креста с дополнительными перекладами не только на вертикальных ветвях, но и горизонтальных могла приписываться «историческому» Кресту, на котором был распят Христос (рис. 32).

По находкам текстиля из курганов XI—XII вв. в Ярославской и Московской обл. известны случаи применения крестов-кросслетов в вышивке ворота и других частей одежды¹.

¹ Фехнер М.В. Древнерусское золотное шитьё X—XIII вв. в собрании Государственного Исторического музея // Средневековые древности Восточной Европы. М., 1993. С. 7. Рис. 2, 5; Орфинская О.В. Новоселки 2. Результаты исследования текстиля XII

Для послемонгольского времени (XIV—XV вв.) известен ряд энколпионов, обладающих силуэтом, формально близким к «строгому» кресту-кросслету. По природе своей их композиция пятисоставная: они представляют собою своего рода крестообразно оформленный «полиптих», каждый элемент которого сам имеет крестообразные очертания (рис. 31, 13—15). Эта композиция была удачно найденным декоративным решением, и никакой причины приписывать ей миссионерские коннотации, очевидно, нет. Большинство таких энколпионов происходит с новгородских земель, однако сейчас их нередко находят в т.ч. в Московской области.

На допустимость использования креста-кросслета даже в сфере «официального» церковного искусства указывает пример каменного скульптурно декорированного Боровичского креста, где изображение креста-кросслета помещено на окладе Евангелия, которое держит Христос (рис. 33)¹. Изображения крестов-кросслетов, дополненные «венком» вокруг средокрестия, присутствуют также в декоре знаменитого Людогощенского креста².

Среди древнейших граффити Новгородского Софийского собора имеется изображение креста-кросслета, помещенное под аркой-сенью (рис. 34). В построении композиции чувствуется рука опытного художника.

В оформлении намогильных каменных крестов новгородских земель кресты-кросслеты применялись очень редко (рис. 35), что связано, вероятно, с предпочтительностью изображения на указанных памятниках крестов на горке-Голгофе или иным образом переданной опоре. На каменных крестах «жальничных новгородского типа»³, например, изображались кресты хотя и странного вида, но обязательно на Голгофе, что говорит об устойчивости применения последней. Ясно, что форма четырёхсторонне-симметричного креста-кросслета зрительно плохо сочеталась бы с горкой-Голгофой. Нам известны примеры изображений крестов-кросслетов с удлинённой нижней ветвью, для более гармоничного сочетания креста с Голгофой (при этом все 4 дополнительные перекладины остаются равноудалёнными от средокрестья). Один из таких примеров — небольшое изображение креста-кросслета простой формы на каменном кресте, находящем-

в. // Археология Подмосковья. Вып. 8. М., 2012. С. 128.

¹ Вагнер Г.К. От символа к реальности. Развитие пластического образа в русском искусстве XIV—XV вв. М., 1980. С. 111—112.

² Там же. С. 121—122.

³ Спицын А.А. Заметка о каменных крестах, преимущественно новгородских // ЗОР-СА ИРАО. Т. 5. Вып. 1. СПб., 1903. С. 20.



Рис. 33. Боровичский крест (Русский музей, СПб.)



Рис. 34. Изображение креста-кросслета под аркой-сенью. Граффити на стене Новгородского Софийского собора



*Рис. 35. Крест из д. Половниково (Мошенской р-н Новгородской обл.)**



*Рис. 36. Кресты из д. Ославье (Ленинградская обл.)**



Рис. 37. Обломок завершения верхней лопасти креста из лапидария Московского Кремля. Фото А.В. Гращенкова

ся при церкви с. Погост-Саблѣ (Батецкий р-н Новгородской обл.)¹. Остальные примеры высечены на 4-х схожих между собою образцах, найденных в Ленинградской области: в д. Систа Кингисеппского р-на (1 образец²) и в д. Ославье Волосовского р-на (3 образца³); изображения крестов-кросслетов на этих образцах крупные, с кольцом вокруг средокрестья, с расширяющимися концами всех дополнительных и 3-х главных (боковых и верхней) ветвей (рис. 36). Отметим, что наличие Голгофы ясно показывает, что каждое изображение является эквивалентом одного креста-распятия, а не соединённых вместе четырёх крестов. На каменном кресте, вмонтированном в стену новгородской церкви Воскресения на Мячине⁴, высечен центричный крест производной от кросслета формы (крест-кросслет, усложнённый дополнительными перекладинами «второго порядка»), и этот крест также снабжён Голгофой. В примерах из с. Погост-Саблѣ и из церкви Воскресения на Мячине изображения крестов сопровожда-

¹ http://regionavtica.ru/gallery/details.php?image_id=1415

² http://regionavtica.ru/gallery/details.php?image_id=3921

³ http://regionavtica.ru/gallery/details.php?image_id=6504

⁴ http://regionavtica.ru/articles/o_nekotoryh_osobennostiah_izgotovleniia_kamennyh_krestov.html

ются обронными монограммами, в двух примерах из Ленинградской области — врезными. Из интересных примеров укажем также на крупную обронную фигуру креста, высеченную на каменном кресте, хранящемся в краеведческом музее г. Боровичи¹. Изображённый на памятнике крест опирается на горизонтальное основание, и все его ветви, кроме нижней, снабжены дополнительными перекладинами.

Для искусства Московского княжества мы вынуждены констатировать отсутствие примеров изображения крестов-кросслетов вне круга недавно введённых в научных оборот московских крестов. Правда, в лапидарии Московского Кремля хранится камень, найденный в фундаменте церкви Спаса на Бору в 1930-е гг., публиковавшийся Г.К. Вагнером и А.В. Гращенковым². На лицевой стороне камня полностью сохранилось круглое клеймо, в котором путём выборки фона был высечен крест-кросслет (рис. 37). Исследователи сочли этот камень обломком аркады, причём небольшие размеры камня порождали сомнения, разрешённые А. Гращенковым в пользу гипотезы о «какой-то малой форме интерьера храма», например, «аркатуре алтарной преграды». Однако подобные алтарные преграды (т.е. с аркатурой) для Руси неизвестны. По нашей версии, обсуждаемый камень принадлежал навершию белокаменного креста, по своей форме подобного кресту 1467 г. из Дмитровского Борисоглебского монастыря (рис. 38). Заметим, для подкрепления нашей версии, что толщина камня из лапидария (16 см) весьма близка толщине указанного креста (14 см). О том, что такие кресты ставились в Московском Кремле, свидетельствует уцелевший образец — крест, находящийся снаружи Успенского собора, но связанный с интерьерным размещением раки святителя Ионы³. Из источников XIX в. известно ещё об одном кресте при Успенском соборе, аналогичным образом отмечавшем погребения митрополитов Киприана и Фотия⁴. Таким образом, если считать камень из лапидария фрагментом креста, то этот крест либо мог отмечать снаружи какого-либо собора интерьерную гробницу, либо мог быть установлен на открытом некрополе одного из кремлёвских монастырей. Если наша гипотеза верна, то изображение креста-кросслета вновь оказывается высеченным на надгробном памятнике, причём памятнике примерно того же времени, что и московские кресты

¹ http://regionavtica.ru/gallery/details.php?image_id=4589

² Вагнер Г.К. Указ. соч. С. 77—78; Гращенков А.В. Архитектурные детали и фрагменты сооружений XIV — начала XX века. Каталог собрания историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». М., 2010. С. 57.

³ Шеляпина Н.С. Указ. соч. С. 233—234.

⁴ Там же. С. 233.

(камень попал в фундамент церкви Спаса на Бору, вероятнее всего, при её перестройке в XVI в.). Разумеется, погребение иностранца на территории Московского Кремля абсолютно исключено. Высоко вероятно принадлежность памятника погребению церковного иерарха. Факт появления памятника с крестом-кросслетом в Московском Кремле очень важен для нашей темы, ибо его можно рассматривать как своего рода санкцию на допустимость использования этого же знака на памятниках рядовых некрополей.

Совокупность изложенных обстоятельств делает неприемлемой гипотезу С.Е. Компанца о принадлежности московских памятников с крестом-кросслетом погребениям иностранцев (эта гипотеза была сформулирована им применительно к одному памятнику, но она неизбежно должна быть «адресована» также всем остальным московским памятникам с крестом-кросслетом и камню из лапидария Московского Кремля). Вывод о связи московских памятников, на которых изображён крест-кросслет, с погребениями русских людей следует преимущественно из факта их установки на православных кладбищах, в особенности городских, из широкой географии находок, из вариативности изображений креста-кросслета, а не из эпизодических примеров использования креста-кросслета в русской металлопластике XI—XV вв., вышивке XI—XII вв. и новгородском искусстве. Эти примеры подкрепляют вывод, но, к сожалению, бесполезны в плане истолкования креста-кросслета на московских памятниках. Важно подчеркнуть, что кресты-кросслеты присутствуют примерно на трети всех рассмотренных нами надгробий (московских крестов и «спорных» стеловидных памятников), что исключает случайность заимствования резчиками этой иконографии из какого бы то ни было источника. В качестве контраста укажем на сербские и болгарские каменные надгробные кресты и стелы к. XVIII — нач. XX в.¹, на которых можно встретить изображения кросслета в качестве одного из многих, очевидно, сугубо декоративных вариантов изображения креста. Приписывать какое-то специальное значение кресту-кросслету в контексте декоративного оформления балканских памятников нет никаких оснований.

За использованием же крестов-кросслетов на московских памятниках, весьма вероятно, стояла конкретная веская причина, причём причина общая для всех людей, над чьими могилами такие памятники были поставлены. Возможно, когда-нибудь эту причину удастся установить.

¹ *Енчев-Видю И.* Български народен кръст. София: Марин Дринов, 1994.

От частных перейдём к рассмотрению общего вопроса — самого феномена московских каменных крестов. Как хорошо известно, наиболее характерным видом «долговечного» надгробия Московской Руси была горизонтальная плита. Находки плит обычны при археологическом изучении собственно московских, монастырских, провинциальных (городских и сельских) средневековых некрополей; общий счёт таких находок, датирующихся в пределах XIII—XVII вв., исчисляется многими сотнями экз. На этом фоне корпус выявленных на московских территориях вертикальных памятников — 26 экз. — выглядит очень скромно, однако следует иметь в виду, большая часть находок плитчатых надгробий относится к тому времени, когда рассматриваемые кресты уже вышли из обихода. Подсчёт соотношения крестов и плит, относящихся ко времени бытования крестов, затруднён приблизительностью нашей датировки крестов и отсутствием сводного обзора всех опубликованных плит (а кроме того, невозможностью точной датировки анэпиграфных плит). Если собранные в нашем каталоге образцы распределены равномерно в пределах предполагаемого временного интервала (последняя четверть XV — первая половина XVI в.), то кресты следует признать на порядок более редкими, чем синхронные им плиты. Однако, как кажется, большая часть образцов нашего каталога относится к последней четверти XV в. — раннему XVI в. Для этого, суженного, временного интервала пропорция вертикальных надгробий и плит будет более весомой. По сведениям, любезно сообщённым А.Г. Авдеевым, на данный момент известны 32 подписанные плиты 1472(?)—1502 г. (самые ранние подписанные плиты Московского княжества). Допустим, что количество неподписанных плит этого же времени, найденных археологами, достигает 30—40 экз. (вряд ли существенно больше). Для последней четверти XV в. — 1510-х гг. получим грубую оценку количества известных плит в 120—140 экз. По отношению к этому количеству плит 20 (примерно) экз. крестов составляют 1:7—1:6. Если эта оценка справедлива, то рассматриваемые кресты следует считать хоть и кратковременным, но значительным явлением в погребальной культуре Московского княжества.

К сожалению, мы весьма ограничены в суждениях об этом явлении отсутствием находок памятников *in situ*. Сам по себе факт находки крестов на некрополях позволяет сделать вывод только об их связи с погребениями. Мы не знаем, были ли кресты альтернативой или дополнением к плитам, а также были ли кресты индивидуальными памятниками или маркёрами родовых участков некрополей.

Некрополи Москвы (монастырские и приходские) и крупнейших



Рис. 38. Завершение верхней лопасти креста из Борисоглебского монастыря (Московская обл., г. Дмитров). Фото С.А. Гаврилова

монастырей изучались археологами наиболее последовательно, и при этом фрагменты крестов почти не попадались. Большая часть находок крестов была сделана на провинциальных некрополях, причём либо при осмотре могильников (подвергающихся, однако, грабительским раскопкам), либо в результате проведения рекогносцировочных работ. Это указывает на то, что московские каменные кресты бытовали преимущественно на кладбищах сёл и провинциальных городов, а в монастырях они устанавливались довольно редко.

До середины XV в. каменные кресты (ни намогильные, ни памятные, ни поклонные) в Московской Руси не фиксируются. Первыми здесь появились намогильные скульптурно декорированные каменные кресты, два целиком сохранившихся примера которых были опубликованы ещё до революции и с тех пор стали хрестоматийными памятниками. Наиболее известен крест дьяка Степана Бородатого (рис. 39), поставленный им над могилой сына Ильи, умершего в 1458 г. и погребённого в Ростове у церкви Воскресения¹. Этот крест

¹ Орешников А. Памятник XV века, находящийся в Белой Палате в Ростове. М., 1894. Николаева Т.В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в. (САИ. Вып. Е1—49). М., 1971. С. 29—30, 92—94.



Рис. 39. Крест с могилы Ильи, сына дьяка Стефана Бородатого (из собрания ГМЗ «Ростовский кремль»)

несёт яркий отпечаток личности заказчика — дьяка Степана, служившего великому князю Василию Тёмному и затем его вдове Марии Ярославне. Скульптурные рельефы креста отличаются высоким качеством исполнения¹. По мнению О.В. Яхонта, создателем креста был подвизавшийся в Москве резчик-венецианец, использовавший в качестве модели византийский образец (возможно, из кости)². Заказав изделие у изощрённого мастера, Стефан Бородатый выступил не только как очень богатый человек, но и как утончённый ценитель искусства. На ветвях нижней перекладины креста представлены патрональные изображения архидьякона Стефана и пророка Ильи. Небывалой для своего времени чертой было наличие эпитафии. Напомним, что надписи на плитах появляются лишь в последней четверти

¹ Новые открытия советских реставраторов. Вып. 1. М., 1973.

² Яхонт О.В. О реставрации и атрибуции. М., 2007. С. 220.



Рис. 40. Фрагмент нижней боковой лопасти креста из г. Дмитрова (из собрания МЗ «Дмитровский кремль»)

XV в. На кресте же дьяка Бородатого мы видим не только самую раннюю эпитафию Московской Руси, но и самую пространную до последней четверти XVII в. Эта надпись, включающая элементы завещания, несомненно, обусловлена профессиональной привычкой дьяка, по долгу службы имевшего дело с культурой официального письменного документа. В отличие от прекрасно исполненной эпитафии, подписи к скульптурным фигурам делал резчик, не обладавший достаточным опытом. Но даже в этих надписях чувствуется необычность памятника: в то время, как на более поздних каменных резных Распятиях надписи ограничиваются лишь именами изображённых фигур, на кресте дьяка Бородатого имеются также пояснения к действиям воинов (с орудиями Страстей) и слова Иисуса, обращённые к присутствующим при распятии Богородице и ученикам. Мы столь подробно остановились на этом памятнике, чтобы подчеркнуть нашу мысль: крест дьяка Бородатого является не просто самым ранним из сохранившихся, а абсолютно самым ранним надгробным каменным крестом Московии. Появление этого произведения искусства было результатом уникального стечения обстоятельств. Не последнюю роль, возможно, сыграло и то, что крест предназначался для установки в Ростове (формально ещё независимом), а не в пределах собственно московских земель. Крест, разумеется, не мог вызвать на-



Рис. 41. Крест митрополита Ионы (Московский Кремль)

реканий со стороны духовенства, однако погребальная культура отличается консервативностью, и в этом аспекте каменный крест дьяка Бородатого не вписывался в исторически сложившуюся в Москве традицию, в рамках которой в качестве «долговечного» надгробия до тех пор были известны только плиты. Для Ростова же до окончательной утраты им самостоятельности в 1474 г. плиты были, по-видимому, большой редкостью. Например, при раскопках в ростовском Петровском монастыре не было выявлено плит старше конца XV в. (хотя были найдены фрагменты нескольких саркофагов второй половины XIII в.).¹ До появления плит московского образца в Ростове должны были преобладать деревянные памятники (кресты), среди которых, вероятно, были резные Распятия. Этим обстоятельством и мог быть продиктован выбор дьяка в пользу резного вертикального надгробия — но в престижном каменном исполнении, не доступном самим жителям Ростова. Как бы то ни было, крест дьяка Бородатого

¹ Авдеев А.Г., Леонтьев А.Е. Памятники эпиграфики из раскопок Петровского монастыря в Ростове Великом // Вопросы эпиграфики. М., 2015. Вып. 8. С. 285—306.



Рис. 41а. Крест митрополита Ионы (Московский Кремль). Крупный план

как небывалое новшество должен был привлечь внимание современников, в том числе и в самой Москве. Это могло подготовить почву для появления каменных крестов в центральных московских землях.

Второй скульптурно декорированный образец намогильного креста был изготовлен несколькими годами позднее креста дьяка Бородатого, но уже местными, московскими мастерами. Это крест из Дмитровского Борисоглебского монастыря 1467 г., ныне хранящийся в музее г. Дмитрова¹. С крестом дьяка Бородатого этот памятник сходен типологией (восьмиконечный крест, вогнутые скаты завершения), габаритами (почти одинаковая высота), общей схемой декоративного решения (в центре — Распятие с предстоящими; на нижней переклади-

¹ Гаврилов С.А. Борисоглебский крест 1467 г. // СА. 1985. № 2. С. 213—222.

не — избранные святые; надпись на основании). При изготовлении, возможно, Дмитровский крест не мыслился как надгробный. На это указывают следующие наблюдения. Во-первых, содержание краткой оброчной надписи в основании креста — только информация о дате, включая день, установки самого памятника. Подобные примеры известны среди ранних эпитафий на плитах, но дата положения плит в таких примерах, как правило, ограничивается лишь годом¹. Во-вторых, крест не был снабжён пяточным шипом². Вряд ли это следует объяснять как оплошность мастеров; естественнее допустить, что крест предназначался для размещения на ровной поверхности (в интерьере храма или часовни, прислонённым к стене или помещённым в особом киоте). В-третьих, имя погребённого — Пантелей воцесник — процарапано на боковой стороне креста, что не имеет аналогов среди подписанных надгробных крестов. В-четвёртых, среди изображений святых, представленных на нижней перекладине, отсутствует патрон погребённого. Таким образом, мы имеем основания полагать, что Дмитровский Борисоглебский крест был использован в качестве надгробного вторично. На это уже указывала В.Б. Яшкина (Панченко)³. Манера исполнения скульптурных рельефов на этом кресте, по сравнению с крестом дьяка Бородатого, носит более грубый характер⁴. При этом важно отметить, что на Дмитровском кресте, в отличие от креста дьяка Бородатого, имеется заимствование из орнаментики бытовавших тогда надгробных плит — треугольчатая «змейка», окаймляющая навершие креста (рис. 38). Этот же признак связывает Дмитровский крест с московскими крестами — теми из них, которые имеют навершие. «Змейка» в навершии Дмитровского креста частично оказалась «съеденной» медальоном с Троицей, что указывает на вторичность рельефных композиций по отношению к орнаменту. По версии А. В. Яганова, первым обратившего внимание на это обстоятельство, «змейка» была нанесена на заготовку креста, выполненную на месте добычи белого камня.

¹ Известны редкие случаи, когда надгробные надписи указывают точную дату погребения или укладки плиты. Такова, например, эпитафия на плите инока Мисаила, 1498 г. (КП №1). См. *Беляев Л.А.* Указ. соч. С. 359—360.

² *Гаврилов С.А.* Указ. соч. С. 221.

³ *Яшкина В.Б.* К вопросу о распространении каменных крестов Древней Руси // Староладожский сборник. Материалы I—V конференций «Северо-Западная Русь в эпоху средневековья: междисциплинарные исследования». Старая Ладога, 1994—1998. СПб.-Старая Ладога. 1998. С. 86.

⁴ *Пуцко В.Г.* Белокаменные резные кресты XV—XVI вв. в Поволжье // Сообщения Ростовского музея. Выпуск XI. Ростов, 2000. С. 70.

В Дмитрове существовал ещё один скульптурно декорированный 8-конечный крест. От него сохранился лишь обломок, найденный в 1992 г. и находящийся ныне в экспозиции Дмитровского музея (рис. 40)¹. Обломок rozpoзнаётся как левая ветвь нижней перекладины. На обломке сохранилась значительная часть полуфигуры святого. Манера исполнения рельефа выдаёт руку того же мастера, который изготовил Борисоглебский крест. Тем не менее, изображение святого на обломке (мученик) не соответствует левой полуфигуре (святитель Василий Великий) на нижней перекладине Борисоглебского креста; таким образом, состав избранных святых на своих изделях мастером варьировался.

С рассмотренными скульптурно декорированными крестами сближается уже упоминавшийся выше крест митрополита Ионы в Московском Кремле². Типологически это тоже 8-конечный крест с вогнутыми скатами наверху; по высоте он лишь чуть-чуть (на несколько см) крупнее двух рассмотренных памятников, однако вместо скульптурных фигур в его внутреннем поле представлено лишь обрванное изображение восьмиконечного креста с венком вокруг средокрестья (рис. 41, 41а). Это изображение по размерам и местоположению соответствует кресту Распятия на двух скульптурно декорированных образцах. Весь бортик памятника обработан контурным орнаментом, образованным парой линий, тянущихся вдоль краёв бортика, и зигзагообразной линией между ними, подразделяющей всю орнаментальную ленту на треугольные поля. За исключением поздней живописной надписи, крест Ионы анепиграфен, что затрудняет его точную датировку. Вероятнее всего, памятник был поставлен после перенесения останков святителя во вновь построенный Успенский собор в 1479 г. Всего в собор Фиораванти после его постройки и освящения были перенесены останки 6 митрополитов, размещённые попарно в жертвеннике (Пётр и Феогност), в северо-западном углу (Иона и Филипп), в юго-западном углу (Киприан и Фотий)³; гробницы двух последних пар святителей были размещены у внешних стен собора. Несложно заметить, что именно эти две пары гробниц были отмечены снаружи собора каменными крестами, каждый из которых, таким образом, относился к двум пристенным гробницам святителей. Крест напротив погребений Ки-

¹ Сведения любезно предоставлены А.В. Ягновым. Фрагмент находится в экспозиции Дмитровского музея (МЗДК—6528).

² *Шеляпина Н.С.* Надгробия митрополитов Киприана и Фотия в Успенском соборе Московского кремля // СА. 1973. № 4. С. 227—235.

³ ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.-Л., 1949. С. 324—325.

приана и Фотия, несохранившийся до наших дней, но известный по описям Успенского собора, сделанным в XIX в.¹, имел позднее живописное изображение двух святителей. Сохранившийся же крест нёс живописную надпись только с именем Ионы. По-видимому, это связано с тем, что митрополит Филипп, чья гробница была устроена рядом с гробницей Ионы, не был канонизирован, само место его захоронения со временем подверглось почти полному забвению, и крест стал ассоциироваться лишь с одним святителем, Ионой. Отмеченные обстоятельства позволяют связывать воздвижение двух крестов при Успенском соборе ни с чем иным, как с фактом перемещения гробниц митрополитов — исключительным для Московской Руси событием (вероятно, такие кресты планировалось поставить уже при Успенском соборе Мышкина и Кривцова, на начальном этапе возведения которого гробницы были впервые потревожены, однако во время строительства собора, прерванного катастрофой, это намерение не могло осуществиться). Установка крестов не зависела от того, рассматривалась ли возможность причисления того или иного митрополита к лику святых или нет. Так, при вскрытии могил Киприана и Фотия ещё в 1472 г. оказалось, что их останки сохранились очень плохо², так что немаловажного, с точки зрения средневекового человека, условия для их канонизации не было (или в их канонизации не было политического смысла для властей), но пристенный крест снаружи от их новых гробниц всё-таки появился. Захоронения святителей, сделанные в соборе позднее, крестами снаружи храма не отмечались. Не известна подобная практика и где-либо ещё (выше мы допустили возможность принадлежности «внешнему» кресту фрагмента из лапидария Кремля, однако это лишь гипотеза). Таким образом, с функциональной точки зрения, кресты при Успенском соборе, сохранившийся и утраченный, являются исключительными в своём роде. Их нельзя считать, строго говоря, ни надгробными (из-за физического отделения от гробниц стеной храма), ни памятными (из-за специфической, но всё-таки привязки к местонахождению останков). Отметим в связи с этим, что надгробные каменные кресты устанавливались только на открытых некрополях, так что размещение двух крестов снаружи храма, а не в его интерьере, глубоко закономерно. Закономерно также, что кресты были подняты на высоту, соответствующую высоте пола храма.

¹ Шеляпина Н.С. Указ. соч. С. 233.

² Забелин И. История города Москвы. Ч. 1. М., 1905. С. 114.

Все остальные примеры скульптурно декорированных каменных крестов Московской Руси относятся к более позднему времени (конец XV — третья четверть XVI в.) и являются не надмогильными, а поклонными (обетными). Эти примеры происходят из Поволжья (Тверь и тверские земли, Романово-Борисоглебск, Ростов), за исключением Лахмокурского креста, найденного в Вологодской области. Возможно, в тверских землях каменные скульптурно декорированные кресты появились во второй половине XV в. независимо от художественного опыта Москвы, и именно тверские образцы оказали влияние на ярославское Поволжье. Обзор резных каменных крестов Поволжья сделан в статье В.Г. Пуцко¹, а Лахмокурский крест описан, в частности, в книге Т.В. Николаевой². Все эти кресты четырёхконечные, с наиболее длинной среди четырёх нижней лопастью. Лопасты могут быть прямыми или расширяющимися. Выраженного навершия обсуждаемые кресты не имеют, за исключением примеров с имитацией навершия при помощи широкой обронной полосы, образующей фигуру с характерным образом вогнутыми («приталенными») боковыми сторонами. Завершение крестов чаще двускатное (скаты прямые или слегка вогнутые), реже горизонтальное. Почти все кресты снабжены бортиком. Насколько можно судить по целиком сохранившимся образцам, на крестах внизу высекалась обронная надпись, содержащая дату установки памятника и имена заказчика или заказчиков. В одном примере (крест, вмонтированный в позднюю столпообразную часовню в Рыбной слободе Старицы³) надпись с именем заказчика вырезана на перекладине креста. Конкретные мотивы установки крестов в надписях не указывались. Некоторые памятники имеют скульптурные изображения с двух сторон; к сожалению, ни один из таких крестов не сохранил нижнюю часть с датирующей надписью.

Из всех каменных поклонных крестов наибольший интерес для нашей темы представляет двусторонний Лахмокурский крест (рис. 42а). Место находки креста находится всего в нескольких километрах от Спасо-Каменного монастыря, в котором был построен первый на Русском Севере (в Заволжье) каменный собор (1481 г.). Можно осторожно предположить, что появление великолепного каменного креста было как-то связано с этим событием. Изготовлен же памятник, по-видимому, в Москве.

¹ Пуцко В.Г. Указ. соч.

² Николаева Т.В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в. (САИ. Вып. Е1—49). М., 1971. С. 88.

³ Авдеев А.Г. Валунные надгробия Верхневолжья (конец XV — вторая треть XVIII в.): вопросы генезиса бытования и источниковедения. М., 2015. С. 190—191.



Рис. 42а. Крест из д. Лахмокурье (Из собрания Вологодского ГМЗ)

Лицевая сторона Лахмокурского креста снабжена широким бортиком, несущим геометрический орнамент с применением трёхгранно-выемчатой резьбы. Общая схема орнамента такая же, как на бортике креста Ионы, только размеченные контуром треугольные поля не оставлены пустыми — в них врезаны треугольники. Очевидно, образцом орнамента Лахмокурского креста были непосредственно деревянные изделия, а не надгробные плиты, на которых подобная трактовка орнамента — с акцентированной контурной линией, с плотной «упаковкой» вырезанных треугольников — не встречается (не считая боковых сторон некоторых плит XVII в., например, Бм № 27¹). Вся лицевая сторона Лахмокурского креста производит

¹ Беляев Л.А. Указ. соч. С. 306—307.

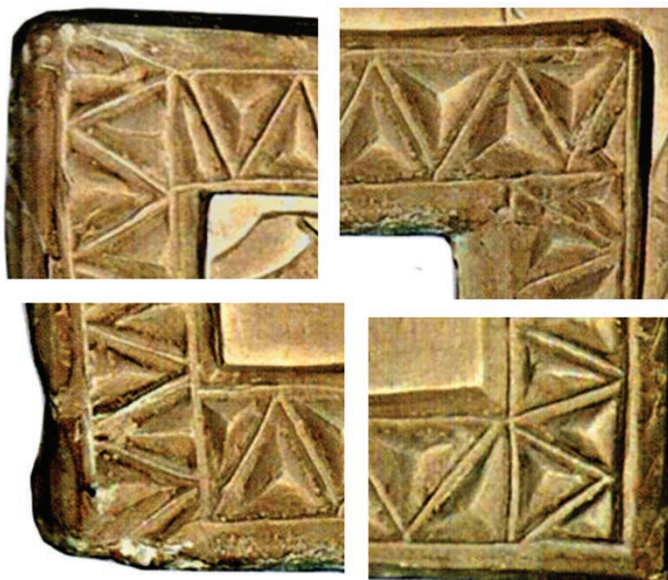


Рис. 42б. Крест из д. Лахмокурье. Треугольчатый орнамент бортика на поворотах

такое впечатление, словно это в несколько раз увеличенная копия деревянного креста. Если это ощущение справедливо, то и «крестчатые квадраты» на бортиках московских крестов могли быть непосредственно заимствованными из орнаментации бортиков неизвестных нам деревянных крестов. По какой-то причине «крестчатые квадраты» оказались на надгробных крестах более уместными, чем другие варианты орнамента с применением трёхгранно-выемчатой резьбы. Впрочем, именно Лахмокурский крест позволяет догадываться об этой причине (или одной из причин): при нанесении орнамента из врезных треугольников на бортик данного изделия мастер столкнулся с проблемой организации «перетекания» орнамента при поворотах бортика под прямым углом (рис. 42б). Использование же «крестчатых квадратов», очевидно, свободно от этой проблемы.

Поклонные же каменные кресты Поволжья практически ничего общего не имеют с намогильными московскими крестами. Любопытно лишь отметить, что крест 1512 г. из Романово-Борисоглебска¹ снабжён дополнительным к бортику окаймляющим контуром, обработанным (правда, лишь в верхней части) как имитация жгута,

¹ Николаева Т.В. Указ. соч. С. 95.

что находит аналогию в кресте с некрополя церкви Троицы в Старых Полях — с оговоркой, что на кресте из Москвы имитация жгута не отделена от бортика, а непосредственно к нему примыкает.

Большой интерес представляет вопрос о связи между скульптурно и орнаментально декорированными каменными надгробными крестами. Поскольку скульптурно декорированные кресты появились хронологически первыми, можно полагать, что именно они сформировали спрос на не известный прежде в Московской Руси тип памятника. Примечательно, однако, что скульптурно декорированные образцы не получили дальнейшего развития (позднее 3-й четверти XV в.). Возникший спрос удовлетворялся уже не элитарными, очень дорогими надгробиями, а образцами, которые были сопоставимы по стоимости с плитами или дороже их не более, чем в 2—3 раза, — т.е. московскими крестами. К сожалению, нам ничего не известно о природе этого спроса — представлял ли он собою просто «моду», или за выбором каменного креста вместо «обычной» плиты стояла определённая причина. Некоторые исследователи предполагали, что и сын дьяка Бородатого, и Пантелей воцешник умерли «напрасной», насильственной смертью¹. Этот вывод основан исключительно на наблюдении над поздними (XVII в.) крестами, действительно, связанными с убийствами людей. Однако эти поздние кресты, за одним исключением, были кенотафами, а кресты дьяка Бородатого, Пантелея воцешника так же, как и московские кресты, были надгробными памятниками. В обширной эпитафии на кресте дьяка Бородатого нет ни малейшего намёка на насильственную смерть его сына Ильи, чья кончина обозначена словом «преставися». Если бы установка крестов дьяка Бородатого и Пантелея воцешника была связана с «напрасной» смертью погребённых, то такой же самый смысл мы должны были бы приписать и московским крестам. Между тем, количество московских крестов и сама их «нарядность» решительно противоречат такому выводу. Возможно, за предпочтением московских крестов плитам стояла какая-то иная причина, например, социальное положение погребённых или их происхождение (см. далее). Возвращаясь к связи скульптурно и орнаментально декорированных надгробных крестов, отметим, что среди последних несомненную общую преемственность от первых демонстрирует лишь один образец — можайский крест (**Мож-1**). Своими очертаниями он довольно близко повторяет крест дьяка Бородатого, за исключением лишь редуцированного навершия. Сходство проявляется: в том, что ширина главной и нижней перекладин

¹ Николаева Т.В. Указ. соч. С. 94; Гаврилов С.А. Указ. соч. С. 222.

одинакова; в том, что основание расширяется; в том, что часть вертикальной стойки между навершием и основной перекладиной уже, чем часть между перекладинами, а эта последняя часть уже, чем основание в самом узком месте. Формы же остальных московских крестов, за исключением разве что наверший густомесовского (**Г-1**) и сипягинского (**ПС-1**) памятников, демонстрируют совершенно свободное от элитарных образцов творчество. Очевидно при этом, что мастера не стремились к унификации конкретных форм своих изделий или даже намеренно избегали её: несмотря на стилистическое единство, московские кресты довольно разнообразны. Данное обстоятельство вписывается в общую картину развития надгробий Московской Руси, соответствуя тому этапу, когда мастера — до появления эпитафий, а также, отчасти, и после такового — использовали для индивидуализации плит изобразительные средства. Московские кресты, возможно, и были порождены запросом на выделяющееся среди других индивидуализированное надгробие. Характерно, что московские кресты лишены эпитафий: сам по себе каменный крест обеспечивал хорошую узнаваемость могилы (впрочем, обычай подписывать надгробия тогда ещё не успел распространиться — видимо поначалу он был сугубо монастырским явлением). Не исключено, что каменные кресты были не единственным видом вертикального надгробия, появившегося в то время. В образцах из Ямищево (**Ям-1**) и Кузьмодемьянки (фрагменты **КД-8**, **КД-17**, **КД-25**) с большой долей вероятности можно видеть невысокие стелы. Другие образцы из Кузьмодемьянки можно реконструировать как стелы с широким навершием — нечто среднее между стелой-гольцом и каменным крестом. Запрос на «необычное» надгробие мог быть обусловлен развитием погребальной культуры, отражением в ней гуманистических тенденций, а скульптурно декорированные кресты — элитарные единичные произведения искусства — могли выступить самым общим образцом для более массовых «необычных» надгробий.

Другой важный вопрос состоит в возможном влиянии на появление московских крестов новгородско-псковской традиции. Необходимость постановки такого вопроса очевидна: на землях Новгорода и Пскова каменные намогильные кресты были широко распространены в XIV—XVI вв.

Заметим предварительно, что скульптурно-декорированные образцы (кресты дьяка Бородатого и Пантелея воещника) не могли быть инспирированы новгородско-псковской традицией, поскольку скульптурно декорированных намогильных крестов ни в новгородских, ни в псковских землях не было. Все немногочисленные

скульптурно декорированные кресты Новгорода (в Пскове их вовсе нет) — поклонные. Понимание таких крестов ясно сформулировано у Шляпкина: «...кресты для поклонения преимущественно были покрыты резными изображениями Христа, предстоящих и других святых», «это были православные скульптурные иконы»¹. Кресты дьяка Бородатого и Пантелея воещника, помимо скульптурного оформления, примечательны также своей типологией, ибо восьмиконечные надгробные кресты в Новгороде и Пскове практически не известны.

Зависимость же московских от новгородско-псковских надгробных крестов, хотя бы в опосредованном виде (через устные описания, рисунки), весьма вероятна. Новгородско-псковские кресты были ремесленными произведениями, с которыми московские кресты были вполне сопоставимы по сложности изготовления. Сравнивая московские кресты с новгородско-псковскими, можно подобрать такие примеры среди тех и других, которые демонстрируют сходство в пропорциональном построении, в общих очертаниях. Например, очертания боковых лопастей крестов из Кременского (**Кр-1**) и Петелино (**П-1**) — с наклонными (повышающимися) верхними краями, со скошенными боковыми краями — напоминают таковые крестов изборского типа. Крест с Рождественского погоста Звенигорода напоминает своими очертаниями некоторые кресты тёсовского типа («жалничные новгородского типа», по Спицыну²). Размеры московских крестов находятся в пределах размерного разнообразия новгородско-псковских крестов. Существенно также принципиальное отсутствие эпитафий на надгробных крестах новгородских и псковских земель. Исключения из этого правила крайне редки: Войнословский крест (ныне у Екатерининского собора в Кингисеппе)³, крест Степана в Изборске⁴, крест Ильи Онциферова в д. Ястребино⁵. При этом в Новгороде известны большие восьмиконечные «покаянные» кресты (предположительно конца XIV в.), содержащие обронно

¹ Шляпкин И.А. Древние русские кресты. I. Кресты новгородские до XV века, неподвижные и не церковной службы. СПб., 1906. С. 35.

² Спицын А.А. Заметка о каменных крестах, преимущественно новгородских // ЗОР-СА ИРАО. Т. 5. Вып. 1. СПб., 1903. С. 203.

³ Седов В.В. Войнословский крест // СА. 1962. № 3.

⁴ Потравнов А.Л., Хмельник Т.Ю. Каменные кресты Северо-Западного региона. О типологии и классификации // Михайловская пушкиниана. Вып. 65. Материалы круглых столов памяти М.Е. Васильева в Пушкинском Заповеднике (2011—2014 г.). Михайловское, 2015. С. 18—21.

⁵ http://regionavtica.ru/articles/kamennyye_kresty_ugo-zapadnoj_chasti_leningradskoj_oblasti.html; http://regionavtica.ru/gallery/details.php?image_id=1835

выполненный текст молитвы, в которой оставлено место для имени¹. По версии Б.А. Рыбакова, такие кресты предназначались для совершения особого обряда, эквивалентного исповеди, а оставленное для имени место позволяло обращаться к Богу с высеченной на кресте молитвой разным предстоящим людям². Учитывая эти примеры с многострочными надписями, отсутствие эпитафий на надгробных крестах можно объяснить исключительно культурными причинами, т.е. осознанным отказом от эпитафий.

Оформление новгородских и псковских надгробных крестов обыкновенно состоит из изображения креста в средокрестии и христограмм. Для псковских земель характерны памятники без бортика, с процарапанными или выбитыми изображениями; изображённый крест — преимущественно православный восьми- или семиконечный³. На Ижорском плато бытовали кресты особых форм; они не имели бортика — напротив, периферия лицевой поверхности часто выбрана (понижена); некоторые памятники снабжены обронным изображением четырёхконечного креста в средокрестии; монограммы могут быть только процарапанными⁴.

В центральных новгородских территориях были распространены кресты с бортиком (всегда узким) и обронными изображениями во внутреннем поле. Некоторые новгородские кресты «в круге» имеют пустое внутреннее поле или только изображение четырёхконечного креста в средокрестии⁵. Наиболее развитая композиция присутствует на тёсовских крестах со «свободными» лопастями и на группе стилистически единых с ними крестов «в круге»⁶. В центре таких памятников имеется обронное изображение креста, как правило, на Голгофе. Изображённые кресты бывают: четырёхконечные; с двумя-тремя одинаковыми по длине горизонтальными переклади-

¹ Спицын А.А. Указ. соч. Рис. 363, 364.

² Рыбаков Б.А. Стригольники. Русские гуманисты XIV столетия. М., 1993. С. 97—107.

³ См., например, Артемьев А.Р. Надгробные каменные кресты восточных пригородов Пскова // Археологические памятники европейской части РСФСР. Погребальные памятники. М., 1988. С. 107—116. Седов В.В. Изборские каменные кресты // Средневековая Русь. М., 1976. С. 102—108.

⁴ Панченко В.Б. Каменные кресты Ижорского плато (каталог) // Stratum plus. Культурная антропология и археология. № 5. 2005—2009 г. Русское время. СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест, 2009 г. С. 420—438.

⁵ http://regionavtica.ru/gallery/details.php?image_id=210; http://regionavtica.ru/gallery/details.php?image_id=209

⁶ Панченко В.Б. Каменные кресты из коллекции академика Н.П. Лихачёва // Труды Государственного Эрмитажа т. LXXI. Наследие Николая Петровича Лихачева: интерпретация текста и образа. СПб., 2014. С. 201—219. Илл. 7—8.

нами; православные шести- или восьмиконечные; прочих единично встречающихся форм (например, усложнённый крест-кросслет, т.е. с дополнительными перекладинами «второго порядка», — на каменном кресте «в круге», вмонтированном в стену новгородской церкви Воскресения на Мячине)¹. Оборонное изображение креста сопровождается крупными оборонными же монограммами Иисуса Христа, нередко тем или иным образом искажёнными. Монограммы довольно плотно заполняют всё внутреннее поле по сторонам от центрального изображения креста. Чисто декоративные элементы, за исключением зубчато оформленной нижней горизонтальной границы выбранного фона, присутствующей на большинстве тёсовских крестов, — встречаются крайне редко.

Наиболее существенное отличие московских крестов от всех новгородско-псковских крестов — применение геометрического орнаментального декора. Бортик московских крестов из-за обязательной орнаментации гораздо шире, чем у новгородских крестов. Не имеет аналогов среди новгородских памятников использование круглых клейм с оборонными изображениями крестов. Весьма примечательны кресты-кросслеты, вырезанные на значительной части «московских» памятников, в то время как на новгородских памятниках эта иконография крайне редка (чаще всего она представлена вариантом, снабжённым Голгофой). Не встречаются на московских крестах выполненные оборонно монограммы, обычные для новгородских памятников с бортиком.

Интересным фактом является применение навершия у густомесовского (**Г-1**) и сиягинского (**ПС-1**) крестов. Их навершия обнаруживают хорошо узнаваемую аналогию навершию дмитровского креста — из-за своей формы, хотя и сплюсненной по сравнению с образцом, и из-за применения орнамента из противопоставленных треугольников по периметру. Навершия в виде особо выделенного объёма среди новгородских и псковских крестов не известны. Интересно также упомянуть о навершии можайского креста (**Мож-1**), представляющем собою лишь акцентированные особо оформленным бортиком два вогнутых ската, свесы которых немного выступают над боковыми сторонами верхней лопасти. Такое навершие имеет аналогию в закладном кресте якорного типа в новгородской церкви Рождества на Михалице². Торец двускатного навершия — единственный

¹ http://regionavtica.ru/articles/o_nekotoryh_osobennostiah_izgotovleniia_kamennyh_krestov.html

² http://regionavtica.ru/articles/osobennosti_rasprostraneniia_kamennyh_krestov_severo-zapadnogo_regiona.html

выступающий над лицевой поверхностью этого креста элемент. Точно так же, как на Можайском образце, скаты навершия михалицкого креста вогнуты. Вогнутость как будто указывает на то, что прототипом такого навершия не могли быть венчающие скаты деревянных голбов, делавшиеся из прямых досок.

Мастера московских крестов снабжали свои изделия яркими, хорошо узнаваемыми чертами. Однако стремление к выработке местных отличительных особенностей каменных крестов можно приписать и мастерам различных территорий на землях Новгорода и Пскова. Эти отличительные особенности могли затрагивать лишь форму лопастей: так, по этому признаку В.В. Седов выделил на псковских землях изборский тип крестов¹, а современные исследователи Т.Ю. Хмельник и А.Л. Потравнов считают возможным также говорить о гдовском и мальском типах крестов². В других случаях, наряду с узнаваемой формой, использовались специфические черты оформления лицевой поверхности (например, обработка контуров у ряда крестов Ижорского плато). Способы оформления зависели, во-первых, от материала, из которого изготавливались кресты (так, псковские кресты часто делались из гранита, малоподходящего для оброчной работы, поэтому эти кресты снабжались выбитыми изображениями), а во-вторых, от художественных вкусов. С учётом этого обстоятельства в московских крестах можно видеть явление, в сущности, близко родственное новгородско-псковским намогильным крестам, только лишь приспособленное к местным, московским художественным вкусам. Этим вкусам отвечала «нарядность» оформления, а соблюдение каких-то определённых очертаний было не важно. Узнаваемость московских крестов обеспечивалась сугубо стилистическими приёмами.

Следует иметь в виду, что в конкретно-исторических условиях XV в. надгробные памятники в виде четырёхконечных каменных крестов, несомненно, должны были выглядеть в Московской Руси «новгородизмом» (или «псковизмом»). Этот вывод вытекает из простого сопоставления: обилие каменных крестов в новгородских и псковских землях и практически полное отсутствие их в Московской Руси до появления рассматриваемой группы памятников, (единичные скульптурно декорированные образцы третьей четверти XV в., как сказано выше, вряд ли могли вызвать ассоциацию с Новгородом или Псковом). Любопытно отметить, что древнейшие русские каменные кресты известны как в новгородских землях (Стерженский

¹ Седов В.В. Указ. соч. С. 102—108.

² http://regionavtica.ru/articles/k_voprosu_o_proishojdenii_tradicii_kamennyh_krestov_na_pskovskoj_zemle.html

крест 1133 г., Воймерицкий крест XII в., Лопастичский крест начала XIII в., крест Симеона чернеца 1250 г. в Новгороде¹), так и в Северо-Восточной Руси (Нерльский крест XII в. из окрестностей Владимира, Иворовский крест XII в. из окрестностей Старицы²) и в Рязанском княжестве (обломок креста с городища Ростиславля Рязанского, по палеографическим признакам датирующийся второй половиной XII - первой половиной XIII в.³). Но эти каменные кресты не были надгробными, за исключением Иворовского креста, обладающего синкретичным характером (сходство с идолом, установка на кургане). Лишь для более позднего времени можно говорить о традиции установки каменных крестов на местах захоронений — сначала для новгородских земель (примерно с первой половины XIV в.), позднее также и для псковских (с XV в.). Эта традиция была связана преимущественно с могильниками жальничного типа, существовавшими и в новгородских, и в псковских землях с конца XI - начала XII в.⁴ до XV—XVI в.⁵ Жальники были семейными деревенскими кладбищами, а не прицерковными погостами. Появление каменных крестов на таких кладбищах могло быть связано не столько со стремлением сохранить память о конкретных погребенных, сколько с потребностью приметно освятить место захоронений. На жальниках каменный крест мог служить своего рода заменителем отсутствующего культового сооружения (часовни); к нему могли обращаться с поклонами и молитвами. Насколько можно судить по изученным *in situ* образцам, крест ставился в головах у погребённого на специальную плиту подставки, на валун обкладки или непосредственно на землю⁶. В одном случае зафиксировано нахождение креста на бровке между мужским и женским захоронениями⁷. Кроме жальников, каменные кресты отмечены на прицерковных кладбищах. Так, в статье А.Р. Артемьева

¹ Яшкина В.Б. К вопросу о распространении каменных крестов Древней Руси // Староладожский сборник. Материалы I—V конференций «Северо-Западная Русь в эпоху средневековья: междисциплинарные исследования». Старая Ладога, 1994—1998. СПб.-Старая Ладога. 1998. С. 75—89.

² Там же.

³ Коваль В.Ю., Медведев А.Н. Новый памятник средневековой письменности Рязанской земли // Российская археология. 2000. № 1. С. 194—206.

⁴ Седов В.В. Жальники // РА. 2000. №1. С. 7—22.

⁵ Репников Н.И. Жальники Новгородской земли // Известия ГАИМК. Т. IX. Вып. 5. Л., 1931.

⁶ Там же. С. 6.

⁷ Панченко В.Б. Каменные кресты Ижорского плато (каталог) // *Stratum plus*. Культурная антропология и археология. № 5. 2005—2009 г. Русское время. СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест, 2009 г. С. 420—438.



Рис. 43. Крест из церкви Сергия Радонежского в Рогожской слободе (г. Москва). Фото Л.А. Беляева

описаны каменные кресты на городищах в окрестностях Пскова: Котельно, Дубкова, Выбора и Владимираца¹. Кресты на погостах Псковской земли изучены Б.Н. Харлашовым². В Новгороде каменные кресты известны в основном как закладные (вмурованные в стены церквей), но значительная их часть, надо полагать, была взята для закладки в стены с местных кладбищ. Всего до наших дней сохранились сотни

¹ Артемьев А.Р. Указ. соч. С. 107—108.

² Харлашов Б.Н. Погосты и губы в Псковской земле XIV—XVI вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1995.

новгородских и псковских каменных крестов XIV—XVI веков. Само присутствие вертикально стоящих каменных крестов на кладбищах должно было приобрести роль этнографического маркёра для новгородских и псковских земель. Точно так же, как для московских территорий маркёром было использование горизонтальных надгробных плит, несущих резной орнамент. Учитывая противостояние между Москвой и Новгородом, естественно ожидать, что каждая культура должна была «стремиться» к сохранению своих отличительных черт. Появление московских каменных крестов, как кажется, могло произойти не раньше, чем подчинение Новгорода Москве в 1478 г.

Хронологическая близость московских крестов с падением Новгородской республики и первыми десятилетиями пребывания в Новгороде московской администрации, по нашему мнению, не случайна. Не исключено, что к появлению или стимулированию спроса на ремесленно исполненные каменные надгробные кресты в Московской Руси причастны новгородцы, высланные Иваном III в центральные московские земли в 1488—1489 гг. Всего было выслано около 7 тысяч человек — бояр, купцов и «житых людей», составлявших верхушку новгородского общества¹. Оказавшись вдали от родных мест, некоторые из них могли распорядиться поставить на своих могилах памятники такого же типа, какой был принят в Новгороде. Разумеется, эта гипотеза уязвима ввиду соответствия памятников нашего каталога московским художественным вкусам, большого разнообразия конкретных форм этих памятников, случаев находки на одном некрополе нескольких крестов. Однако наша гипотеза хорошо объясняет факт кратковременного бытования московских крестов. Логично представить, что каменные кресты появились преимущественно над могилами людей, большую часть жизни проживших в Новгороде и лишь остаток лет проведших на чужбине, а дети и тем более дальнейшие потомки переселенцев, выросшие в Московском государстве, ассимилировались и были похоронены уже по московским нормам.

То, что московские каменные кресты довольно быстро вышли из употребления, доказывается тем, что кресты центральных московских земель более позднего времени не обнаруживают практически никакой преемственности от рассматриваемых нами московских крестов.

Три примера безэпитафийных каменных крестов, датирующихся XVI—XVII вв., найдены в Москве². По крайней мере два из них были

¹ Скрынников Р.Г. Иван III. М., 2006. С. 112.

² Беляев Л.А. Указ. соч. С. 283, 357.



Рис. 44. Крест 1686 г. по стряпчему С.М. Пустошкину из окрестностей с. Виноградово. Собрание Музея-заповедника «Коломенское»

надгробными, на что указывает их небольшой размер: высота, без учёта шипа, одного образца 42 см (СР № 4, целиком сохранился) и другого образца примерно 30 см (СР № 5, реконструируемое значение). Эти памятники соответствуют той же размерной категории, что и московские кресты.

Форма образца СР № 4 (рис. 43) с типологической точки зрения идентична густомесовскому кресту (Г-1), однако пропорциональное построение двух крестов совершенно разное. Вероятно, навершие с вогнутыми скатами образца СР № 4 восходит непосредственно к кресту митрополита Ионы, а не к какому-либо из московских крестов. Образец СР № 4 снабжён бортиком, довольно узким, без орнаментальной обработки. Бортик навершия точно такой же, как и в остальной части креста, т.е. декоративно навершие никак не выделе-



Крест 1693 года.



Крест XVI—XVII вв.

Рис. 45. Кресты из округа Троице-Сергиевой лавры. Крест 1693 г. по убитым крестьянам с. Благовещенского из окрестностей д. Шапилово; крест XVI—XVII вв., найденный в окрестностях д. Рязанцы. Фото Т.В. Николаевой

но, в отличие от ранних крестов. Изображённый во внутреннем поле крест хотя и выполнен оброном, но и сама его форма, и его декоративная разделка весьма далеки от изображений во внутреннем поле московских крестов. Выбитые монограммы чёткие и глубокие.

Четырёхконечный крест СР № 5 имеет прямоугольные лопасти; его форма реконструируется как почти правильная равноконечная, что не имеет аналогов среди московских крестов (не считая одного неорнаментированного креста из Рогачёво). Лицевая поверхность креста СР № 5 не имеет бортика и при этом несёт изображение выступающего над лицевой поверхностью большого креста с тонкими ветвями, дополненное углубляющимися в фон круглыми «венками» при средокрестии, а также при окончаниях, по крайней мере, боковых ветвей, снабжённых короткими дополнительными перекладинами. Манера оформления лицевой поверхности этого памятника весьма своеобразна.



Рис. 46. Комплекс из трёх крестов, установленный стольником Никитой Гагариным в 1665 г. у собора Иоанна Предтечи Зарайске. Фото из собрания Историко-архитектурного художественного и археологического музея «Зарайский Кремль»

Четырёхконечный каменный крест Дм № 21, в отличие от двух предыдущих образцов, значительно крупнее, чем московские кресты: в высоту он достигал около 1,05 м (без шипа). Его форма — с прямоугольными ветвями, с более длинной, чем остальные, нижней ветвью — совершенно чужда московским крестам. Поверхности образца Дм № 21 гладкие, за исключением двух прорезных изображений крестов на нижней ветви. Если бы одно из этих изображений не было православным крестом на Голгофе, то можно было бы допустить, что памятник происходит с кладбища иноземцев слободы Наливки, как и группа надгробий с иностранными надписями, найденных также в Даниловом монастыре.

Все остальные «поздние» каменные кресты составляют весьма интересную группу памятников, в отношении которых можно уверенно утверждать, что они так или иначе связаны со случаями насильственной гибели. Эта уверенность основывается на надписях, объясняющих мотив установки креста. Среди этой группы каменных крестов имеются: а) надгробный памятник, б) кенотафы — памятники, поставленные на месте убийства, в короткий промежуток времени после происшествия; при этом предполагается, сами убитые были похоронены на кладбищах (приходских или специально отведенных для таких случаев «загородных»); в) памятники, поставленные в воспоминание о погибших в далёком прошлом на месте предполагаемых захоронений.

Памятником над могилой убитого человека является каменный крест, происходящий из Никитского монастыря Переславля-Залесского, датирующийся 1619 г.¹ Сохранившиеся кенотафы: крест по стряпчему С.М. Пустошкину из окрестностей с. Виноградово (ныне в черте г. Москвы (рис. 44)), 1686 г.²; крест по «рабу божию Зеновию» из окрестностей ст. Жилёво (Ступинский р-н Московской обл.), 1693 г.³; крест по убитым крестьянам с. Благовещенского, найденный в окрестностях д. Шапилово (Сергиево-Посадский р-н Московской обл.), 1693 г.⁴; плохо читаемый крест, найденный

¹ *Левицкая Н.В., Сукина Л.Б.* Крест XVII в. из Никитского монастыря на Плещеевом озере // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново, 1990. Вып. 4. С. 36—37.

² *Золотов Ю.М.* Памятный крест по стряпчем Пустошкине // СА. 1986. № 1. С. 266—268; Яганов А.В. По поводу происхождения памятного креста по стряпчему С.М. Пустошкину // Вопросы эпиграфики. М., 2011. Вып. 5. С. 362—369.

³ *Золотов Ю.М.* Каменный крест XVII в. со станции Жилёво // СА 1960, № 3. С. 333—335.

⁴ *Николаева Т.В.* К изучению некрополя Троице-Сергиевой лавры // Сообщения Загорского музея-заповедника. Загорск, 1960. Вып. 3. С. 188—190.

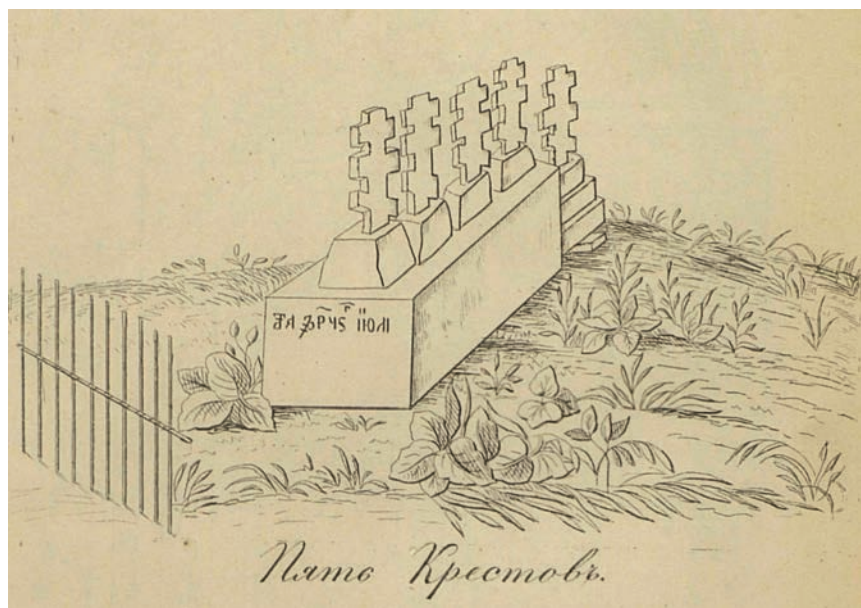


Рис. 47. Комплекс из пяти крестов на речке Семиславке. Рисунок Н.Д. Иванчина-Писарева

в окрестностях д. Рязанцы (Сергиево-Посадский р-н Московской обл.), XVI(?)—XVII в. (рис. 45)¹ Эти кресты были установлены обособленно, вне жилья и кладбищ, и на месте своей установки они находились вплоть до начала или даже середины XX в., в целом или разбитом виде. Ю.М. Золотов, со ссылкой на источник XIX в., сообщает ещё об одном кенотафе, находившемся около г. Шуи, имевшем надпись об убийстве в 1624 г. «раба божия Григория Иванова сына Груздева»².

К кенотафам-«воспоминаниям» относится комплекс из трёх каменных крестов в Зарайске (рис. 46), установленный стольником Никитой Гагариным в 1665 г. на месте предполагаемой могилы рязанского князя Фёдора, его супруги Евпраксии и их сына Ивана, чья гибель в 1237 г. описана в «Сказании о разорении Рязани Батыем». В настоящее время подлинники крестов, пострадавшие в 1930 г., хранятся в Историко-архитектурном художественном и

¹ Там же. С. 190.

² Золотов Ю.М. Каменный крест XVII в. со станции Жилево // СА 1960, № 3. С. 333—335.

археологическом музее «Зарайский Кремль»¹, а монумент в целом воссоздан как копия в 2002 г. Три креста, составлявшие единый ансамбль, были размещены на общем массивном постаменте, при этом каждый крест также был снабжён собственным постаментом-Голгофой. На лицевой стороне крестов была помещена надпись, распределённая между тремя крестами: «10 июня 1665 года по рассмотрению летописной книги поставил сии кресты по обещанию стольник князь Никита Григорьевич Гагарин на благоверных князех рязанских которые побиты от безбожного царя Батыея». «Летописная книга» в надписи — это и есть «Сказание...», согласно тексту которого каменные кресты появились над могилой княжеской семьи уже в XIII в.: «Поиде же князь Ингварь Ингоровичъ на реку на Воронеж, иде убьен бысть князь Федор Юрьевич Резанский. И взя честное тѣло его, и плакася над ним на долгъ час, и принесе во область его — к великому чудотворцу Николе Корсунскому. И его благовѣрнѹю княгиню Еупраксѹю, и сына их князя Ивана Федоровича Посника похраниша в во едином мѣстѣ. И поставиша над ними кресты камены»². Самые старые списки «Сказания...», в составе цикла повестей о Николе Заразском, датируются 60—70 гг. XVI в. По убедительно изложенной Б.М. Клоссом версии, все части цикла «написаны в одно время и одним автором», и составление цикла было завершено в 1560 г.³ Что побудило автора «Сказания...» упомянуть о каменных крестах над могилой — предание или действительно существовавшие в Зарайске при жизни автора какие-либо каменные кресты, — мы не знаем. Ясно только, что стольник Гагарин до установки своих крестов в 1665 г. никаких более ранних крестов (обветшавших или разбитых) не видел, иначе он не ссылался бы в посвяtitельной надписи на «летопись».

Близкой аналогией зарайскому монументу является комплекс на погосте Пять крестов на речке Семиславке, ныне в черте г. Воскресенска Московской обл. До нас дошли изображение (рис. 47) и описание этого комплекса, сделанные в середине XIX в. Н.Д. Иванчиным-Писаревым⁴. Четыре из пяти каменных крестов были установлены на общем большом постаменте, при посредничестве

¹ Благодарим С.Ю. Шокарева за предоставление качественных фотографий зарайских крестов.

² Повесть о разорении Рязани Батыем // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб., 1997. С. 152.

³ Клосс Б.М. Избранные труды. Т. 2. Очерки по истории русской агиографии XIV—XVI вв. М., 2001. С. 122.

⁴ Иванчин-Писарев Н. Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М., 1844. С. 39—40.



Рис. 48. Крест 1619 г. из Никитского монастыря г. Переславля-Залесского. Собрание Переславль-Залесского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Фото А.В. Яганова

малых постаментов-«Голгоф», а пятый крест находился на индивидуальном постаменте, размещённом у торца большого постамента. Кроме того, рядом был ещё один каменный крест, вросший в землю. Кресты не имели никаких надписей и изображений; лишь на большом постаменте была указана дата — 1688 г. Н.Д. Иванчин-Писарев сообщает о местном предании, что «эти пять крестов поставлены над телами пяти воевод, павших в лихолетье». Отмечая, что дата 1688 г. «несовременна никакому побоищу», он предлагает своё толкование монумента: «По находящимся тут же пяти курганам... можно полагать, что под крестами никто не похоронен, а



Рис. 49. Крест 1672 г. из Саратова. Фото А. Гераклитова

поставлены они в память похороненных под этими насыпями». В настоящее время от комплекса сохранились лишь два постамента (большой и дополнительный).

Надгробный каменный крест 1619 г. из Переславля-Залесского в высоту достигает 76 см; его толщина — 16 см¹. Оформление памятника двустороннее. Лицевая сторона снабжена бортиком; во внутреннем поле имеется обрванное изображение восьмиконечного креста на Голгофе, с символами Страстей; по сторонам изображения креста — прорезанные монограммы Иисуса Христа. На ровной оборотной стороне помещён текст эпитафии, выполненный врезанными буквами (рис. 48).

Кенотафы имели высоту 80—100 см и толщину 17—23 см, т.е. были довольно крупными памятниками, что весьма естественно ввиду их обособленного размещения: кенотафы должны были быть хорошо заметными на местности. Оформление кенотафов либо двустороннее (крест Пустошкина, крест из д. Рязанцы), либо одностороннее, представленное лишь врезанным текстом (крест из д. Шапилово, крест со ст. Жилёво). Стоит отметить, что строгость декоративного оформления кенотафов и надгробного креста из Переславля-Залесского контрастирует с оформлением современных им надгробных плит, украшавшихся на лицевой поверхности «плетёнкой», а на боковых — каннелюрами и другими орнаментальными мотивами. Между тем, для московских надгробных крестов конца XV — первой половины XVI в. декоративность свойственна не в меньшей мере, чем плитам этого же времени.

¹ Левицкая Н.В., Сукина Л.Б. Указ. соч., с. 36—37. Фото креста любезно предоставлено А.В. Ягановым.

Три из четырёх кенотафов имеют навершие, причём ширина навершия такая же, как у единственной (крест Пустошкина) или у двух перекадин (крест из д. Шапилово). В принципе, навершие является верхней перекадиной, «надставленной» дополнительным объёмом под двумя венчающими скатами, однако мастера, изготовившие кенотафы, обращались с формой навершия совершенно свободно. Так, на кресте Пустошкина оно в целом дуговидное, однако с лёгкой килевидностью верхушки. Навершие креста из д. Шапилово можно грубо описать как трапецевидное, с вогнутыми боковыми сторонами. Упомянутых признаков кенотафов достаточно, чтобы причислить к ним также образец 1672 г. из Саратова, от которого сохранился обломок¹. Этот образец двусторонне оформлен (рис. 49). Его толщина 17—18 см, а реконструируемая высота — не менее 80 см, что соответствует приведённым выше значениям для кенотафов. Полукруглое навершие равно по ширине перекадине. На лицевой стороне обронное изображение креста помещено таким образом, что его главная перекадина находится в навершии памятника, — так же, как и на кресте Пустошкина. Повреждения образца не позволили публикатору полностью прочесть текст надписи, и он высказал предположение, что крест поставлен в память построения храма. Учитывая же аналоги, о которых не мог знать С. Гераклитов в начале XX в., вернее всего рассматривать крест как кенотаф, привезённый из Москвы в Саратов кем-то из родственников убитого.

Кресты из Зарайска и погоста Пять крестов отличаются от известных нам кенотафов применением косой нижней перекадины. При этом композиционный принцип одинакового размаха навершия и обеих перекадин соблюден и для зарайских крестов (также, если верить рисунку 1844 г., три перекадины на памятниках с погоста Пять крестов были одинакового размаха). Особенность оформления зарайских крестов — помещение текста на лицевой стороне, в поле между бортиком и обронным изображением креста.

Итак, сохранившиеся до наших дней памятники позволяют сделать вывод о том, что в XVII в. каменные кресты в центральных московских территориях устанавливались преимущественно (или даже исключительно) в связи со случаями насильственной гибели, причём не столько в качестве надгробных сооружений, сколько в качестве памятных знаков на месте трагических событий, недавних или имевших место в далёком прошлом по отношению ко времени установ-

¹ Гераклитов А. По поводу находки в Саратове каменного креста с надписью XVII века // Труды Саратовской Учёной Архивной Комиссии. Вып. 27. Саратов, 1911. Благодарим А.В. Яганова за указание на эту работу.

ки крестов. Однако когда такая связь могла возникнуть, если, по нашему предположению, восьмиконечные образцы XV в. и московские кресты такой связи не имели (или она была необязательной)? Самый ранний случай установки кенотафа в Подмоскovie зафиксирован для 1521 г. Об этом кенотафе, находившемся на территории современного Раменского р-на Московской области, сообщает источник XVII в., изданный Федотовым-Чеховским в 1862 г. и процитированный Т.В. Левиной в 2004 г.¹ Согласно этому источнику, акту 1687 г., упоминание о кресте в качестве межевого признака имеется в Писцовой книге Московского уезда Семена Колтовского и подьячего Анисима Ильина 1623—1624 гг., в самом же акте 1687 г. приводится текст на кресте: «Лета 7029 году июля в 29 день убиен от татар Тимофей Шемяка Григорьев сын». Эта дата весьма точно соответствует опустошительному набегу на Москву крымских татар под предводительством хана Махмет Гирея. Любопытно отметить, что с этим же самым нашествием связан текст эпитафии на надгробной плите из д. Сипягино, которая была процитирована в нашем каталоге. К сожалению, нам ничего не известно о том, как выглядел крест 1521 г., — в источнике не указаны ни его размеры, ни форма. Сам по себе факт наличия эпитафии на этом кресте существенно отличает его от намогильных московских крестов и сближает с сохранившимися кенотафами XVII в.

Были ли кенотафы в новгородских и псковских землях, мы не знаем. Кроме Воймерицкого креста XII в., других каменных крестов на землях Новгорода и Пскова, которым бы в научной литературе приписывалась функция кенотафа, не имеется. Несомненно, подавляющее большинство каменных крестов XIV—XVI в. на указанной территории были намогильными памятниками.

Интересный пример представляет собою «эстляндский» крест², поставленный на месте гибели в 1590 г. Василия Росладина, перешедшего в 1582 г. вместе с двумя братьями на шведскую службу³. Как сообщает помещённый на одной стороне креста текст на немецком языке, Василий Росладин погиб при отражении нападения русских

¹ *Федотов-Чеховский*. Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России. Киев, 1862. Т. 2. Цит. по: *Левина Т.В.* Белокаменное надгробие XV — начала XVIII века. Собрание музея-заповедника «Коломенское» // Русское средневековое надгробие XIII—XVII в. Материалы к своду. Вып. 1. М., 2006. С. 87.

² *Спицын А.А.* Указ. соч. С. 208.

³ *Селарт А.* «Русские бояре» в Эстляндии (конец XVI — начало XVII в.) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. №2(12), 2012. <http://cyberleninka.ru/article/n/russkie-boyare-v-estlyandii-konets-xvi-nachalo-xvii-v>



*Рис. 50. Крест из окрестностей г. Трутнов (Чехия)**

войск на шведский лагерь. На другой стороне креста помещён русский текст: «Лета 7198 месяца февраля на память святого Сидора... убиен бысть на сем месте раб божей Василий...»¹. Формула этого текста весьма близка эпитафиям на русских надгробных плитах и, что важнее, надписи на кресте близ г. Шуи² и первой части надписи на кресте Пустошкина³. Учитывая это сходство, можно считать «эстляндский» крест косвенным свидетельством о практике установления кенотафов в то время в России (на эту практику и ориентировались родственники Василия Росладина), т.е. подмосковный кенотаф 1521 г. был в XVI в. не единственным.

Отметим, что кенотафы в XIV—XVI в. часто ставились в католических землях, например, на территориях современных Германии, Чехии и Польши. Связано это с существовавшими тогда судебными правилами, согласно которым виновный в непреднамеренном убийстве мог избежать смертной казни, если он заключал с родственниками погибшего примирительный договор, в котором, помимо денежных выплат и заказа поминальных служб, он брал на себя обязанность установить каменный крест на месте убийства. Такие документы сохранились в архивах (в частности, для одной только Саксонии выявлено 45 догово-

¹ Спицын А.А. Указ. соч. С. 208.

² Золотов Ю.М. Каменный крест XVII в. со станции Жилево // СА 1960, №3. С. 333—335.

³ Яганов А.В. По поводу происхождения памятного креста... С. 362—369.

ров, в которых фигурирует обязанность виновного поставить каменный крест¹). Большинство уцелевших доныне позднесредневековых каменных крестов Германии и Польши считаются примирительными крестами (их невозможно связать с конкретными сохранившимися договорами, т.к. в договорах не указывалось место установки крестов). После введения в 1533 г. судебно-уголовного уложения Карла V, т.н. «Каролины», возможность частного соглашения была отменена, однако в некоторых местностях обычай примирительных крестов продолжал существовать на протяжении всего XVI в.² Кроме того, родственники погибших от насилия или несчастного случая могли устанавливать кенотафы по собственной инициативе.

Разумеется, кенотафы московского региона не имели формально-юридической подоплёки³, а были памятниками, устанавливавшимися по личному побуждению родственников, близких или покровителей убитых. Однако эти кенотафы схожи с немецкими искупительными крестами самой идеей установки долговечного памятника на месте пролития крови, с главным назначением такого памятника — побуждать проходящих мимо к молитве за упокоевание души убитого. Эта идея — новая для Московской Руси в XVI в. — вполне могла быть инспирирована предшествующим двухвековым опытом католического Запада, с которым у Руси были дипломатические, торговые и культурные контакты. Для этого достаточно было, чтобы какой-либо купец или дьяк, общавшийся с иноземцами и узнавший от них о том, что обозначают на их родине каменные кресты, сам поставил на месте гибели родственника каменный крест, после чего его примеру могли последовать другие представители торговой или служилой элиты. Кресты, конечно, изготавливались мастерами на основе местных образцов, в числе которых был, в частности, крест митрополита Ионы. Описанную гипотезу ослабляет тот факт, что непременным атрибутом кенотафов московского региона была надпись (присутствующая уже на памятном кресте 1521 г.), в то время как на запад-

¹ *Kuhfahl G.* Die alten Steinkreuze in Sachsen. Dresden, 1928.

² www.suehnekreuz.de

³ Впрочем, Т.В. Николаева приводит один любопытный документ, проливающий свет на вопрос о причине установки каменного креста-кенотафа 1693 г., найденного в окрестностях д. Шапилово под Сергиевом Посадом. Этот памятный знак был установлен на месте убийства монастырских крестьян села Благовещенского крестьянами села Черной Речки. За это священноначалие Троице-Сергиевого монастыря вменило в обязанность черноречским крестьянам выплатить значительную сумму денег и, вероятно, установить на месте преступления памятный каменный крест. См.: *Николаева Т.В.* К изучению некрополя Троице-Сергиевой лавры... с. 189.

ных кенотафах надписи являются большой редкостью¹. Однако подписанных кенотафов где-либо на Руси ранее XVI в. всё равно не известно (не считая Воймерицкого креста). Так что обязательное применение надписи на кенотафах следует признать чисто московской чертой, что не исключает возможность заимствования самой идеи креста-кенотафа из других культур, раз таковая в них существовала.

Надгробные московские кресты и кресты-кенотафы Московского региона могли быть инспирированы двумя различными источниками. Московские кресты соответствовали бытовавшему в XIV—XVI вв. русскому (точнее — новгородско-псковскому) пониманию каменных крестов преимущественно как надгробных памятников. Кресты-кенотафы Московского региона соответствовали центральноевропейскому пониманию каменного креста преимущественно как памятника на месте трагедии. Зависимость московских намогильных крестов и крестов-кенотафов от разных источников подтверждается разным временем их бытования: последняя четверть XV в. — первая половина XVI в. и 1520-е гг. — конец XVII в. соответственно. Кладбищенские намогильные кресты были некоторое время довольно многочисленны, но всё же не закрепились в погребальной культуре Московской Руси. Кенотафы же бытовали продолжительное время, хотя до нас дошли лишь единичные примеры, в основном, второй половины XVII в. В чёткую схему смены одних крестов другими не вписываются лишь три надгробных креста из Москвы, столь разные между собою, что их, скорее всего, следует признать изолированными эпизодическими явлениями. Надгробный же крест 1619 г. из Никитского монастыря Переславля-Залесского из-за наличия эпитафии, особенностей оформления, связи со случаем насильственной смерти, несомненно, стоит гораздо ближе к сохранившимся кенотафам, чем к прочим намогильным крестам.

Таким образом, введение в научный оборот новых памятников ставрографии, заполняющих пробел между скульптурно-декорированными надгробными крестами XV в. и кенотафами XVII в., существенно обогащает наши представления о погребальной культуре Московской Руси.

¹ В предместье города Трутнова (Чехия, Крконоше) на окраине деревни сохранился крупный средневековый крест из песчаника. На одной стороне у него пространная надпись о том, что на месте установки креста в 1501 году у некоего жителя было «отнято тело», а на другой — изображение погибшего вместе с орудием убийства — топором (рис. 50). http://regionavtica.ru/gallery/details.php?image_id=5523

Литература

Авдеев А.Г. Валунные надгробия Верхневолжья (конец XV — вторая треть XVIII в.): вопросы генезиса бытования и источниковедения. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. 400 с.

Авдеев А.Г., Леонтьев А.Е. Памятники эпиграфики из раскопок Петровского монастыря в Ростове Великом // Вопросы эпиграфики. Вып. 8. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. С. 285—306.

Алексеев А.В. Средневековый каменный крест из Звенигорода // Археология Подмосковья. Вып. 11. М.: Институт археологии РАН, 2015. С. 449—454.

Алексеев А.В. Церковные древности Звенигородской земли. Звенигород: МК МО; Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей, 2017. 224 с.

Алексеев А.В., Смирнов А.Н. Селище Петелино-1 (Московская область, Одинцовский район) // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. Материалы спасательных археологических исследований. Том 19. М.: Институт археологии РАН, 2017. С. 8—13.

Алексеев А.В., Кузьменко С.В. «Московские» каменные кресты XV—XVI вв. с геометрическим декором. Каталог памятников // Археология Подмосковья. Вып. 14. М.: Институт археологии РАН, 2018. С. 307—329.

Алексеев А.В., Кузьменко С.В. О среднерусских каменных крестах XV—XV вв. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 12. Тверь: ИА РАН, «ТНИИР-Центр», 2019. С. 371—387.

Алексеев А.В., Кузьменко С.В. О среднерусских каменных крестах-кенотафах XVI—XVII вв. // Археология Подмосковья. Вып. 16. М.: Институт археологии РАН, 2020 (в печати).

Артемьев А.Р. Намогильные каменные кресты восточных пригородов Пскова // Археологические памятники европейской части РСФСР. Погребальные памятники. М., 1988. С. 107—116.

АКР. Калужская область. М.: Институт археологии РАН, 1992. 160 с.

Баталов А.Л. «Арабский цветок»: к вопросу о генезисе декоративных мотивов в московской архитектуре XIV—XV вв. // Российская археология. М.: Наука, № 3. 2018. С. 153—163.

Баталов А.Л., Беляев Л.А. Зодчество Москвы и Твери второй половины XIII — первой половины XIV века // История русского искусства. Т. 4. Искусство второй половины XIII — середины XIV

века / Под ред. Л.И. Лифшица. — М.: Северный паломник, 2019. С. 159—207.

Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие: Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII—XVII вв. М.: Модус-Граффити, 1996. 568 с.

Беляев Л.А. Исламский восток и формирование материальной культуры Московской Руси: о методических подходах к оценке // Поволжская археология №2 (16). Казань, 2016. С. 18—33.

Беляев Л.А., Топычканов А.В. Надгробие Ф.А. Телятевской и другие плиты князей Голицыных XVI—XVII в. в Новодевичьем монастыре // Древняя Русь. 2020. № 2 (в печати).

Беляев Л.А. «Восточные влияния» или общеевропейский «ориентализм»? О методических подходах к характеристике исламских элементов в культуре средневековой Москвы // Русь и Восток в IX—XVI веках. М., 2010. С. 18—27.

Беркович В.А., Егоров К.А. Московское белокаменное надгробие. Каталог. М.: ТМ Продакшн, 2017. 768 с.

Быков А.Ю. Уникальные находки (Надгробные памятники-кресты XV—XVI вв. из собрания Мышкинского народного музея) // Мышкинская «Лоция» (Краеведческий журнал). №7(13). Мышкин, 2014. С. 5—13 Интернет-ресурс: <http://www.myshgorod.com/magilanka/lociya-journal.html> (дата обращения 16.09.2017).

Вагнер Г.К. От символа к реальности. Развитие пластического образа в русском искусстве XIV—XV вв. М.: Искусство, 1980. 267 с.

Вишневский В.И. Орнамент белокаменных средневековых надгробий Троице-Сергиева монастыря: анализ и хронология // Археология Подмосквья. Материалы научного семинара. Вып. 9. М.: Институт археологии РАН, 2013. С. 125—139.

Гаврилов С.А. Борисоглебский крест 1467 г. // Советская археология. № 2. М.: Наука, 1985. С. 213—222.

Герасимов А. По поводу находки в Саратове каменного креста с надписью XVII века // Труды Саратовской Учёной Архивной Комиссии. Вып. 27. Саратов: Типография Союза печатного дела, 1911. 8 с.

Гириберг В.Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосквья XIV—XVII вв. Ч. I: Надписи XIV—XVI вв. // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Т. I. С. 3—77.

Гращенко А.В. Архитектурные детали и фрагменты сооружений XIV — начала XX века. Каталог собрания историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». М.: Голден Би, 2010. 368 с.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.-Л.: АН СССР, 1950. 586 с.

Егоров К.А. Белокаменные надгробия храма Воскресения Христова в Кадашах (каталог). М.: ТМ Продакшн, 2015. 128 с.

Енчев-Видю И. Български народен кръст. София: Марин Дринов, 1994. 186 с.

Зализняк А.А., Янин В.Л. Новгородская псалтырь начала XI века — древнейшая книга Руси. Вестник Российской академии наук. Т. 71, № 3. 2001. С. 202—209.

Золотов Ю.М. Каменный крест XVII в. со станции Жилево // Советская археология. М.: Наука, 1960. № 3. С. 333—335.

Золотов Ю.М. Памятный крест по стряпчем Пустошкине // Советская археология. М.: Наука, 1986. № 1. С. 266—268.

Иванчин-Писарев Н. Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М.: Тип. А. Семена, 1844. 176 с.

Кавельмахер В.В. К вопросу о времени и обстоятельствах постройки церкви Рождества Христова в Юркине // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1996. С. 421—436.

Кавельмахер В.В. Памятник архитектуры начала XVI века — церковь Благовещения в деревне Сипягино Подольского района Московской области. Скомпоновано С.В. Заграевским из рукописей В.В. Кавельмахера 1988—1989 гг. Интернет-ресурс: http://kawelmacher.ru/science_kavelmakher40.htm (дата обращения 20.12.2017)

Коваль В.Ю., Медведь А.Н. Новый памятник средневековой письменности Рязанской земли // Российская археология. М.: Наука, 2000. №1. С. 194—206.

Компанец С.Е. Комплекс намогильных белокаменных крестов и плит погоста Рогачёво // Вопросы эпиграфики. Вып. 8. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. С. 225—252.

Кренке Н.А., Беляев Л.А. Монастырский некрополь XVI—XVII веков. Плиты из Зачатьевского монастыря // Русское средневековое надгробие XIII—XVII в. Материалы к своду. Вып. 1. М.: Наука, 2006. С. 44—50.

Мокеев Г.Я. Можайск — священный город русских. М.: Кедр, 1992. 127 с.

Левина Т.В. Белокаменное надгробие XV — начала XVIII века. Собрание музея-заповедника «Коломенское» // Русское средневековое надгробие XIII—XVII в. Материалы к своду. Вып. 1. М.: Наука, 2006. С. 87.

Левицкая Н.В., Сукина Л.Б. Крест XVII в. из Никитского монастыря на Плещеевом озере // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 4. Иваново, 1990. С. 36—37.

Николаева Т.В. К изучению некрополя Троице-Сергиевой лавры // Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника. Вып. 3. Загорск: Тип. ЦБТИ Мособлсостархоза, 1960. С. 181—190.

Николаева Т.В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в. (САИ. Вып. Е1—49). М., 1971.

Орешиников А. Памятник XV века, находящийся в Белой Палате в Ростове. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1894. 12 с.

Орфинская О.В. Новоселки 2. Результаты исследования текстиля XII в. // Археология Подмосквья. Вып. 8. М.: Институт археологии РАН, 2012. С. 127—136.

Панченко В.Б. Каменные кресты Ижорского плато (каталог) // Stratum plus. Культурная антропология и археология. № 5. 2005—2009. Русское время. СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест, 2009. С. 420—438.

Панченко В.Б. Каменные кресты из коллекции академика Н.П. Лихачёва // Труды Государственного Эрмитажа т. LXXI. Наследие Николая Петровича Лихачева: интерпретация текста и образа. СПб., 2014. С. 201—219.

Петров П.Н. История родов русского дворянства. СПб.: Книгоиздательство Герман Гоппе, 1885. 400 с.

Потравнов А.Л., Хмельник Т.Ю. Каменные кресты Северо-Западного региона. О типологии и классификации // Михайловская пушкиниана. Вып. 65. Материалы круглых столов памяти М.Е. Васильева в Пушкинском Заповеднике (2011—2014 г.). Михайловское, 2015. С. 18—21.

Потравнов А.Л., Хмельник Т.Ю. Безмолвные стражи прошлого. Монументальные каменные кресты. М.: Вече, 2018. 368 с.

Повесть о разорении Рязани Батыем // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб.: Наука, 1997. С. 140—155.

Пуцко В.Г. Белокаменные резные кресты XV—XVI вв. в Поволжье // Сообщения Ростовского музея. Выпуск XI. Ростов, 2000. С. 66—82.

Рыбаков Б.А. Стригольнические покаянные кресты // Культурное наследие Древней Руси (Истоки. Становление. Традиции). М., 1976. С. 79—86.

Седов В.В. Войнословский крест // Советская археология. М.: Наука, 1962. № 3. С. 311—314.

Седов В.В. Изборские каменные кресты // Средневековая Русь. М., 1976. С. 102—108.

Седов В.В. Жальники // Российская археология. М.: Наука, 2000. №1. С. 7—22.

Седов Вл.В. Раскопки в церкви Бориса и Глеба в Кидекше // 1150 лет российской государственности. Средневековая Русь в полевых исследованиях Института археологии РАН 2001—2011 г. М., 2012. С. 86. Интернет-публикация: <http://www.ras.ru/archaeology/ad0b1165-eec5-45fc-aa59-ba7f121eb6b0.aspx> (дата обращения 20.09.2017)

Ситдииков А.Г., Шакиров З.Г. Надписное надгробие XVII в. из раскопок Казанского кремля // *Archeologia abrahamica. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама.* М.: Индрик, 2009. С. 385—394.

Спицын А.А. Заметка о каменных крестах, преимущественно новгородских // *ЗОРСА ИРАО.* Т. 5. Вып. 1. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1903. С. 203—234.

Фехнер М.В. Древнерусское золотное шитьё X—XIII вв. в собрании Государственного Исторического музея // *Средневековые древности Восточной Европы.* М., 1993. С. 3—21.

Чернецова С.Б., Андреева А.Ю. Белокаменный резной крест из д. Орлец — неизвестный памятник средневекового камнесечного искусства Верхней Волги. Вестник Костромского Государственного университета. 2018 г. № 3. С. 14—19.

Холмогоровы В.И. и Г.И. Исторические материалы о церквях и сёлах XVI—XVIII ст. Вып. 8. Пехрянская десятина. М.: Университетская типография, 1892. 244 с.

Шеляпина Н.С. Надгробия митрополитов Киприана и Фотия в Успенском соборе Московского кремля // *Советская археология.* М.: Наука. № 4. 1973. С. 227—235.

Шляпкин И.А. Древние русские кресты. Т. 1. Кресты новгородские, до XV века, неподвижные и не церковной службы / Изыскания И.А. Шляпкина. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1906. 38 с.

Яганов А.В. По поводу происхождения памятного креста постряпчему С. М. Пустошкину // *Вопросы эпиграфики.* Вып. 5. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. С. 362—369.

Яганов А.В., Энговатова А.В. Археологические находки белокаменного декора и их значение для реконструкции фасадов Ярославского Успенского собора рубежа XV—XVI вв. // *КСИА.* Вып. 236. М., 2014. С. 211—219.

Яшкина В.Б. К вопросу о распространении каменных крестов Древней Руси // *Староладожский сборник. Материалы I—V конференций «Северо-Западная Русь в эпоху средневековья: междисциплинарные исследования».* Старая Ладога, 1994—1998. СПб.-Старая Ладога: Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник, 1998. С. 75—89.

Kuhfahl G. Die alten Steinkreuze in Sachsen. Dresden, 1928. 240 s.

Материалы, опубликованные на сайте «Регионавтика», созданном А.Л. Потравновым и Т.Ю. Хмельник http://regionavtica.ru/stone_crosses (дата обращения 25.07.2017)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Московские средневековые каменные кресты с геометрическим декором

1	Москва, церковь Троицы в Старых Полях	Обломок креста с целой ветвью	ТСП-23	Раскопки под рук. А.Г. Векслера в 1998—2000 гг. Хранится в Музее Москвы
2	Москва, Зачатьевский монастырь	Обломок верхней лопасти креста с навершием	Зм-1	Раскопки под рук. Л.А. Беляева, 2003—2010 гг. Экспонируется в церковно-археологическом музее Зачатьевского монастыря
3	Москва, церковь Воскресения Христова в Кадашах	Фрагменты крестов	ВК-58, ВК-61	Случайные находки при земляных работах. Хранятся в лапидарии при храме Воскресения Христова в Кадашах
4	Звенигород Московской обл. Верхний посад, терр. бывш. Рождественского погоста	Фрагменты крестов	ЗРП-25, ЗРП-26, ЗРП-27	Исследования А.В. Алексеева в 2014 г. Переданы в Звенигородский музей
5	Звенигород Московской обл.	Фрагмент креста	З-1	Случайная находка при земляных работах. Хранится в Звенигородском музее
6	Можайск Московской обл. терр. бывш. Петровского монастыря	Крест	Мож-1	Находка краеведа И.И. Николайченко на старом кладбище. Место хранения не известно
7	Дер. Рогачёво Раменский р-н Московской обл. Средневековый погост	Фрагменты крестов	Р-1 Р-2 Р-3	Находки С.Е. Компанца в 2012 г. Место хранения Р-1 не известно, Р-2 и Р-3 находятся на временном хранении в ОО «Домодедовский краевед»

8	Дер. Ямищево Одинцовский р-н Московской обл. Средневековый погост Дмитрия Со- лунского	Фрагмент стеловидного надгробия или креста	Ям-1	Находка краеведов в 2014 г. Хранится в крае- ведческом музее школы № 2057 с. Крёкшино
9	Дер. Петелино Одинцовский р-н Московской обл. Средневековый некрополь бывш. села Дмитровская Слободка	Фрагмент креста	П-1	Исследования А.В. Алек- сеева в 2016 г. Передан в Звенигородский музей
10	Дер. Пудово-Си- пягино (до 2012 г. Подольский р-н Московской обл., ныне Троицкий АО г. Москвы). Средне- вековое кладбище при бывш. Благове- щенской церкви	Фрагменты одного или нескольких крестов	ПС-1, ПС-2, ПС-3, ПС-4, ПС-5	Исследования В.В. Кавельмахера в 1980-х гг. Место хранения не известно
11	Дер. Орлец близ с. Густомесово Крас- носельского р-на Костромской обл.	Крест	Г-1	Происходит из дере- венской часовни, где находился к качестве по- читаемого. Ныне в храме прп. Тихона Луховского в г. Волгореченске
12	Дер. Кузьмодемьян- ка Мышкинского р-на Ярославской обл. Место средне- векового погоста	Фрагменты крестов и (или) сте- ловидных надгробий	КД-8, КД-9, КД-10, КД- 16, КД-17, КД-24, КД-25	Исследования краеве- дов в 1970-х гг. Ныне хранятся в Мышкинском Народном музее
13	С. Кременское Медынского р-на Калужской обл. Средневековый погост	Фрагменты крестов	Кр-1, Кр-2, Кр-3	Находка краеведов в 2000 г. Хранятся в школьном краеведческом музее с. Кременское
14	Старица Тверской обл.	Фрагмент креста	СТ-1	Точное место находки не известно (из раскопок Старицкого Борисоглеб- ского собора?). Экспо- нируется в Старицком краеведческом музее



Рис. 51. Московские каменные кресты XV—XVI вв. с геометрическим декором: 1 — фрагмент вертикального надгробия или креста с селища у дер. Ямищево (Ям-1); 2 — фрагмент креста из Звенигорода (З-1); 3—5 — фрагменты крестов с Рождественского погоста г. Звенигорода (ЗРП-25, ЗРП-26, ЗРП-27); 6 — фрагмент креста из раскопок церкви Троицы в Старых Полях (г. Москва) (ТСП-23); 7 — крест из часовни в дер. Орлец близ с. Густомесово (Г-1); 8 — фрагмент креста из раскопок в Зачатьевском монастыре (г. Москва) (Зм-1); 9 — крест со средневекового погоста близ дер. Рогачёво (Р-1); 10 — фрагмент креста с селища у дер. Петелино (П-1); 11 — фрагмент креста из Старицкого краеведческого музея (Ст-1)

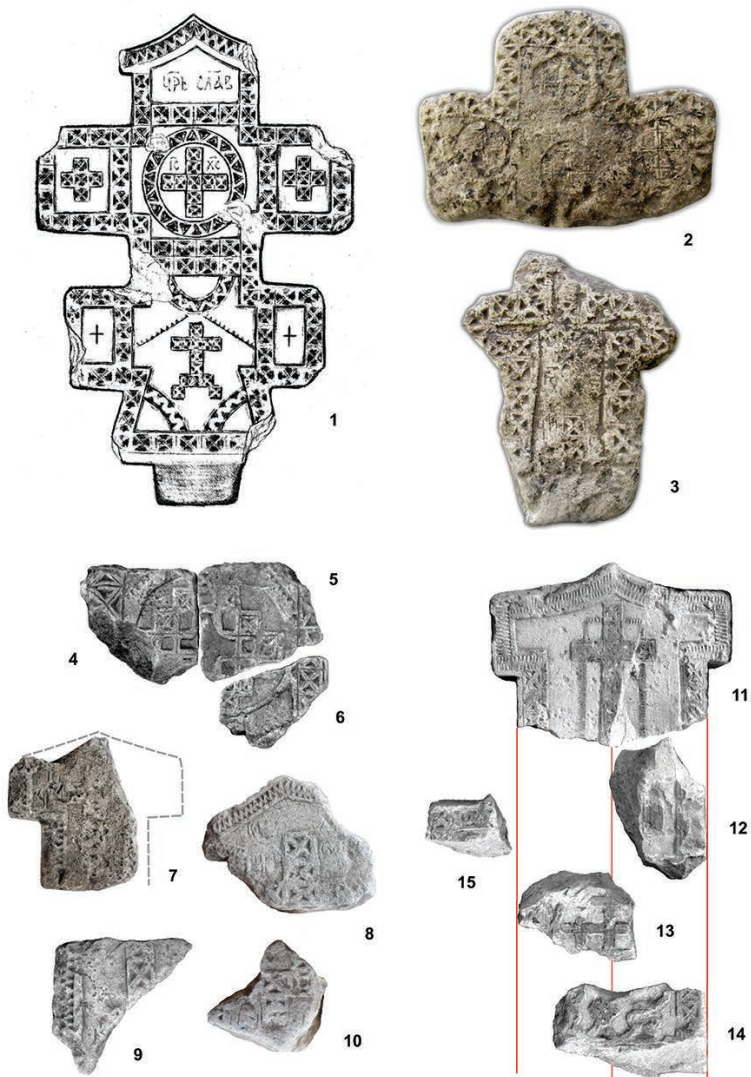


Рис. 52. Московские каменные кресты XV—XVI вв. с геометрическим декором: 1 — крест из г. Можайска (Мож-1); 2, 3 — обломки крестов из окрестностей с. Кременское (Кр-1, Кр-2); 4—10 — фрагменты вертикальных надгробий из д. Кузьмодемьянка (КД-25, КД-8, КД-17, КД-10, КД-9, КД-16, КД-24); 11—15 — фрагменты креста из дер. Пудово-Сипягино (ПС-1, ПС-2, ПС-3, ПС-4, ПС-5)

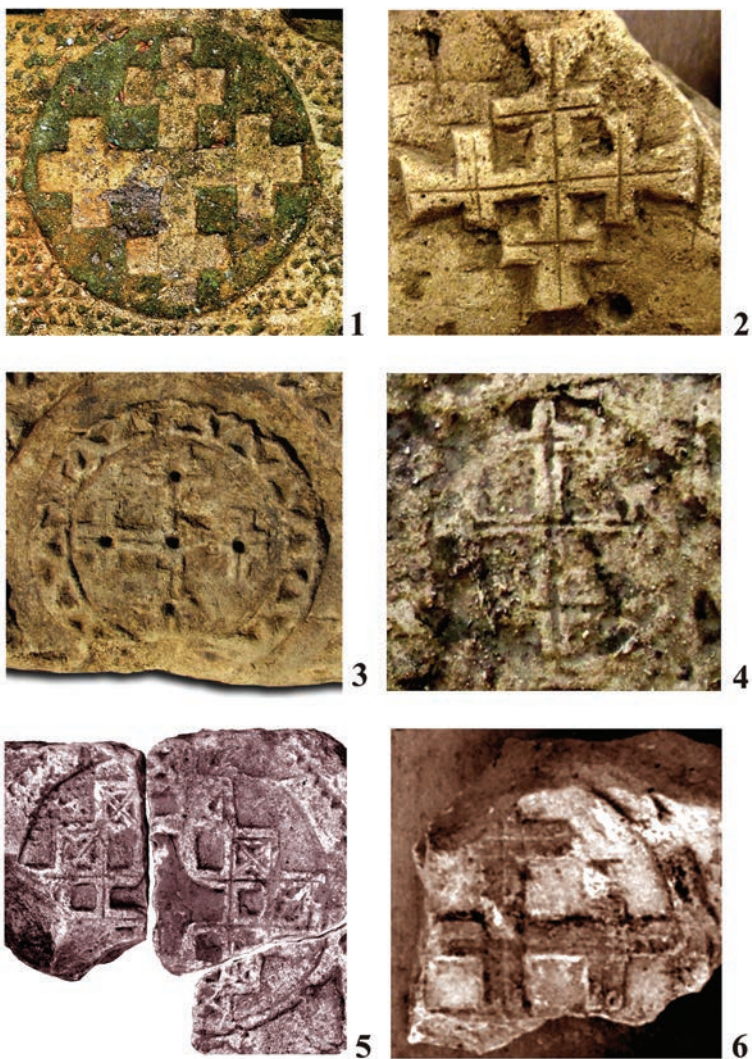


Рис. 53. Изображения централизованного двенадцатиконечного креста (креста-кросслета) на московских памятниках XV—XVI вв.: 1 — на кресте со средневекового погоста близ дер. Рогачёво (Р-1); 2 — на кресте с Рождественского погоста г. Звенигорода (ЗРП-25); 3 — на кресте с селища Петелино 1 (П-1); 4 — на кресте из окрестностей с. Кременское (Кр-1); 5 — на фрагментах вертикальных надгробий из д. Кузьмодемьянка (КД-25, КД-8, КД-17); 6 — на фрагменте креста из дер. Пудово-Сипягино (ПС-3)



Рис. 54. Крест с Рождественского погоста г. Звенигорода (ЗРП-25). Фото памятника *in situ* во время его обнаружения в 2014 г. Вверху: обломок белокаменного плитчатого надгробия первой половины XV в., которым была перекрыта яма с зарытым крестом (см. описание на с. 17—18)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л.А. Беляев. Ex ungue leonem cognoscimus: белокаменный крест как новое явление в культуре ранней Москвы</i>	<i>3</i>
Введение.....	6
Каталог памятников.....	8
Особенности московских каменных крестов, проблемы их атрибуции и датировки.....	56
Литература.....	112
Приложения. Московские средневековые каменные кресты с геометрическим декором.....	117

Научное издание

**Алексеев Алексей Викторович
Кузьменко Станислав Владимирович**

Московские средневековые каменные кресты с геометрическим декором

Подписано в печать 02.03.2020. Формат 60х84/16.
Уч.-изд. л. 7,8. Тираж 200 экз. Заказ № 4322.

Верстка С. Никонов

Институт археологии РАН
117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19

Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей
143180, Московская обл., г. Звенигород, Ратехинское ш., вл. 1

Отпечатано с готовых оригинал-макетов
ЗАО «Новые печатные технологии»
www.web2book.ru

ISBN 978-5-94375-310-7

